

K84(2Рос=Рус) 6 - 5

А 72

Михаил Антохин

Полынныи сок

Мандр и Ка
Тюмень
2007

ББК 84-5

A 72

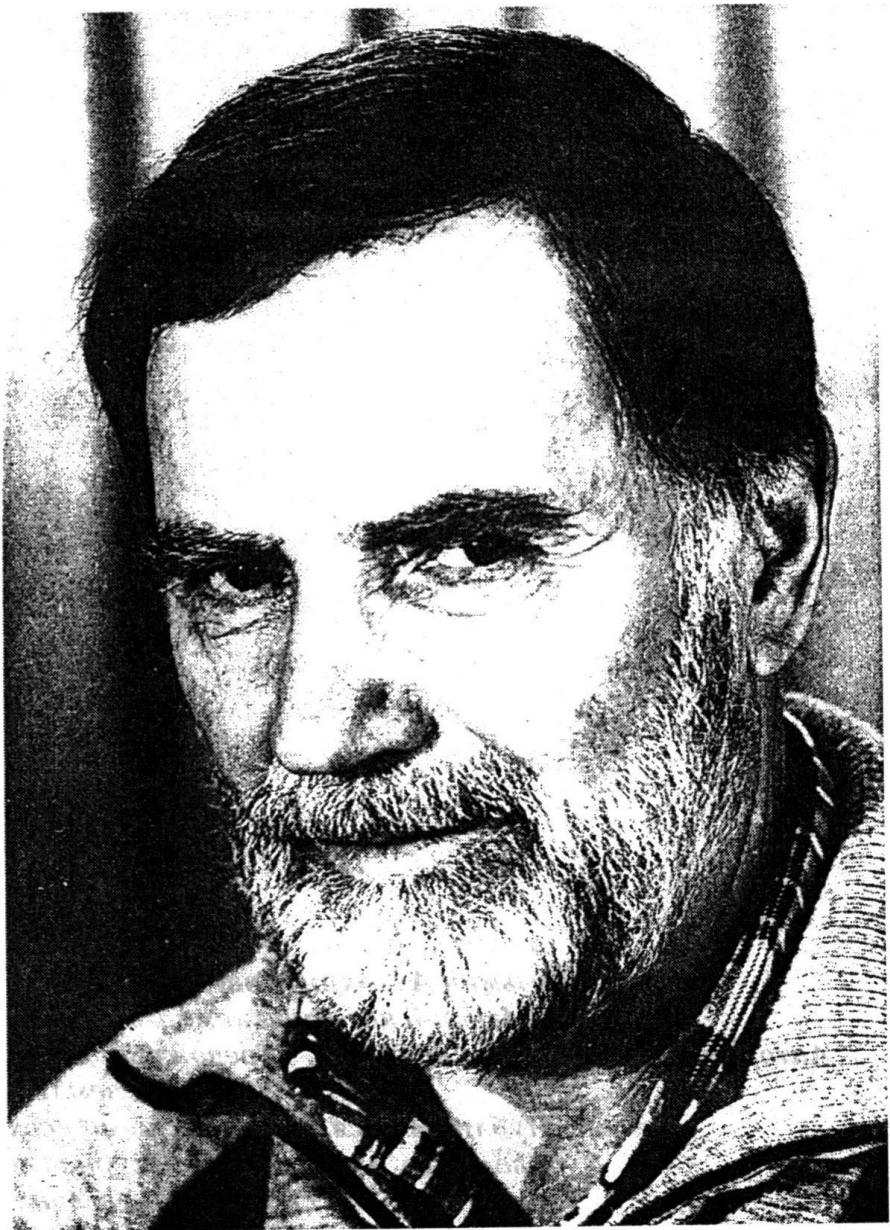
- A 72** Антохин, М. К. Полынnyй сок : четвертая книга стихов / М. К. Антохин. — Тюмень : Мандр и К^а, 2007. — 224 с.

© Антохин М.К., 2007.

© Кухтерин А.С. (обложка), 2007.

© Мандр и К^а (оформление), 2007.

ISBN 5-93020-392-X

Михаил Кузьмич Антохин

РГБ УрО РАН

*Михаил Кузьмич Антохин живет в г. Сургуте
Ханты-Мансийского автономного округа.
Автор трех книг стихов: «Работа», «Тревожный звон»
и «Ожоги земли».
Публиковался практически во всех
ведущих литературных журналах
сибирского региона.*

I. Оглянись,
Россия

Голос

Из камня,
Из могил,
Из слез, из бед и горя
Я сам себя сложил,
Как русское подворье;

Из пепла очагов,
Из глин горшков и чашек,
Из белизны снегов
Кричу я за молчащих:

Да будет
И теперь,
И в будущие вёки
Открыта настежь дверь
Любви во человеке.

1992

Сомнение

Души туманные томленья —
Прозрения святой родник.
И мучают меня сомненья
За каждый шаг,
За каждый миг.
И разверзается, сверкая,
Звездоподобность бытия;
И сам себя я вопрошу:
— А то
И так ли
Делал я? —
И сам себя я вопрошу:
— Туда ли
Твой направлен ум? —
И, под немолчный жизни шум,

Я в жизни
то ли
Совершаю? —
Шагнул я гордо от порога,
Я опрокинул вод валы, —
Но — как ослепнувший,
Без Бога,
Ломлюсь разбитым лбом
В углы!
Как гроб —
Гнетет меня смятенье;
В разладе тело и душа;
И мучают меня сомненья
За каждый миг,
За каждый шаг.

1992

Сострадание

Кочуя по земле, по вóдам,
Со всех сторон смотря на век, —
Избавь, Господь,
От недорода
Врага — он тоже человек.

Я знаю:
Он теперь не лучший,
Он дикой злобой защемлен, —
Прости его, ведь он заблудший —
И этим уж несчастен он.

Прости его:
Ведь он так жалок
И так под взглядами согben, —
Он — как остаток от пожаров
Крестьянских изб,
Что прах да тлен.

Проходит он
И глаз не смеет
На осуждающих поднять;

Он от бессилия немеет
И жаждет
Сам себя
Распять.

И вижу я его страданья,
И взор его вовнутрь себя —
И прорастает состраданье
В душе,
Ликуя и скорбя.

1992

Желание

Пока я жив, пока не сгину, —
Господь мне дал, —
и я пою:
и Беларусь, и Украину,
и Матерь русскую мою.

Тебе, о Русь, мои восторги;
на плечи — оренбуржья шаль!
Восторги, как всегда,
недолги,
но долги — горе и печаль.

Они скребут — как поле грабли;
и ум, и сердце — боль печет.
Быть может, словом хоть ослаблю
твое усталое плечо.

Ни благ за это, ни спасибо, —
лишь пот со лба рукой утри.
Я одного хочу:
цвели бы
вовеки
кровных три сестры.

Всем трем желаю я успеха,
благополучия семей,

и — чтоб к любой я мог приехать,
как езжу к матери своей.

1992

Наивность

Что-то мечется в небе ли,
В море ли, —
Только шум от невидимых крыл!
Не познав озарений,
Мы строили
На развалинах отчих могил.

И не раз, и не два —
Слышал крики я:
Хриплым стоном вопил чернозем!..
— Что отцы нам и деды
Безликие —
Все сравняем и перетрясем!

И трясли, и ровняли...
И ведала
Тайный замысел злая рука...
И не гордость — гордыня нас предала
И оставила
Всех в дураках.

1992

Драма

Я проснулся:
рассвет или полночь?
Все смешалось в моей голове!
С неба
сходят
какие-то волны,
оседая огнем на траве;

концентрическими кругами
свет то вспыхивал,
то потухал...

Очень ярко кого-то ругали:
уж не я ли тот самый нахал?

Ветки терлись о темные стекла;
ветер путался, тихо стена;
подо мною подушка намокла,
сбилась где-то в ногах
простыня;

с головой я нырнул в одеяло,
чтобы гвалт и раздор
переждать... —
Вдруг — синица —
как в мозг пропищала.
«Как ты можешь, укрывшись,
лежать!»

И — смотрю:
как святые из рамы, —
подползли:
кто без глаз,
кто без ног...
Стал я —
первым участником драмы,
а создателем драмы —
был Бог.

1992

Отчуждение

Забыли люди красоту;
цветы забыли и улыбки;
забыли радость и мечту, —
остался холод — злой и липкий.
Осталось то, что изнутри
не только плоть —
но дух терзает! —
и, как болото пузыри, —
яд отчужденья
испускает.

Как две собаки делят кость,
друг друга смрадом обдавая, —
в пустых зрачках застыла злость —
свирапая,
как волчья стая!
Доколе ж будут не в чести
порядочность и человечность?!
Дивится нашему пути
непроницаемая Вечность.

1992

Беда

Над миром, кажется, светает.
Свежа хрустальная вода.
Над нами
    век уже
Витает
Кровоточащая беда.

Я с болью обращаюсь к Богу,
К расположению светил:
— Кто свыше
Начертал дорогу
И в наши головы вложил?

Я к Господу иду с любовью
И вопрошаю что есть си:
— Кто повелел дорогу кровью
Залить —
И до краев залил?..

Дрожливей ветки на рассвете
Свежее желтое жнивье...
Мы той беды
Не только дети,
Но и заложники ее.

1992

Бесчувствие

Ты высших благ себе не просишь,
Не тянешь тело на торги.
Россия, знай —
Так повелось уж:
Вожди твои — твои враги!
Они — гаранты революций,
Пророки выжженных небес —
Как будто о тебе пекутся:
На самом деле — о себе.
Они — вершители и судьи —
Стеной стоят! —
Куда ни глянь.
Им наплевать на наши судьбы,
На наше нищенство и рвань.
Что им, толпою вознесенным,
До возносившей их толпы?!

Лесам, пожарами спаленным,
Не посочувствуют столбы
Бетонные или стальные:
Не то нутро,
Не та душа!
Их мысли,
Чуждо-пристяжные,
Как не дают тебе дышать
Всей грудью,
Порами,
Всей кожей!..
Как грузны цепи на руках!..
И взор твой
Присталней и строже,
И ярче пятна на щеках!

1992

Завещание

Когда окончу
смелый,
назначенный мне путь, —

тяжелый камень
серый
взвалите мне на грудь.

Нетесаный — взвалите,
чтобы прохожий знал,
что никакой элите
я не принадлежал.

1992

Что дальше?

И. Талькову

Повеленье ль Высших сил?
Иль последствия витийства?
Гадко стало на Руси:
все разбои да убийства.

Или нет на нас креста?
Иль утрачено сыновье
чувство к родственным местам
за сомнительною новью?

Все святое со двора
рок метлой стальной сметает;
жадно черная «дыра»
нашу совесть поглощает, —

и — мелеем без нее,
будто реки без истоков...
Порасселось воронье
на крестах твоих высоких;

все изгадили вокруг —
отвернуться бы да плюнуть!
Под лопатку лучший друг
ржавый нож стремится сунуть.

И — стреляют, и — громят;
желтым злом клокочет горло;

зрак струит змеиный яд;
грудь невежество расперло;

кровью давится певец;
мразь глумится над пророком...
Русь, неужто твой конец
замаячил ненароком?

1992

Аксиома

И в правовом государстве, —
нигде которого нет, —
живет,
как в Божием царстве,
правящий контингент.

1992

Не хочу

Не хочу ни счастья, ни свободы....
Что — свобода?
Да и счастье — что?
Отзвенели в поднебесье годы,
просочились,
словно в решето.

Я — почти исхода накануне
в мир иной:
Хорош он или плох?
Что-то в небе будет:
новолунье
или — круглый
к празднику пирог?

Я гадать на картах и на гуще
не привык, —
но верю в божество!
Только — где оно:
в прошедшем иль в грядущем —
это роковое торжество?..

Не хочу ни счастья, ни свободы.
Что — свобода?
Да и счастье — что?
Стонут под землей
Трубопроводы:
кто их слышит?
Да и видит — кто?

1992

Действительность

Жизнь, что ни день, —
дорожает;
стынет очаг в немоте;
или — земля не рожает,
или — мы стали не те?

Часики ль
время пробили
заживо терем свой рыть?
То, что имели, — пропили,
ищем: еще что пропить!

Гимны какие слагали,
что-то абстрактно любя;
сами себя оболгали
и обокрали себя.

В темечке грустная дума
тлеет осиной сырой.
В храме осеннего шума
вопль человечий
и вой.

Нет
просветленья в исходе.
Жертвы и муки — зазря!
Серым пожаром восходит
на горизонте заря.

1992

Хозяин

Видно — мужик перепил:
где воевал — там согнулся;
с вечера все перебил,
утро пришло — содрогнулся!

Сел он на куче стекла,
пальцами в космы вцепился;
по носу капля стекла:
видно — прозрел:
протрезвился.

Эх, горевая душа,
как твои слезы обильны!..
Как мы сильны — разрушать,
как создавать мы —
бессильны.

1992

Призвание

Как заяц — тих,
Хитер, как лис,
Упрям и ложен,
Как каприз,
С претензией в Наполеоны,
С окраскою хамелеона,
Порой — молчун,
Порой — речист,
То — демократ,
То — коммунист,
Стерильно-скрытный Бурбулис,
Чей рейтинг — капельный процент —
Россию вверг в эксперимент!

1992

Переоценка ценностей!

Лозунг был:
Трудиться, трудиться!

Теперь — воровать, воровать!
Лозунг был:
Учиться, учиться;
Теперь — убивать, убивать!

Два лозунга в одной стране,
Два лозунга-антагониста.
И стыдно мне,
И страшно мне
Второго —
Как рецидивиста!

1992

Беспредел

Нас преследует грозный рок.
Вал за валом — напасти катят.
Заступи за любой порог:
не в пирах —
в слезах чаще
скатерть.
Пустословья всяких властей
нас хватают в свои объятья.
Из районов, из областей —
хором
в небо
летят проклятъя!..
На посев не хватает ржи.
Грусть и скорбь
на крестьянской орбите...
Государственные мужи,
что ж вы
с русской землей
творите?!

Пусть для вас она не святá,
пусть она вам — как хата с краю!
Но ведь есть же предел,
есть — черта,
за которую — не преступают!
Даже воры с дороги — и те
не сдирают

с раздетого шкуру...
Так сидим... в немоте,
в темноте, —
созерцая из пальцев
фигуру!

1992

Полынный сок

То низок подень, то высок.
Рвалась к верховной власти
сволочь...
Я молча пил полынный сок,
короче выражаясь — горечь!
Хоть лился он, неукротим,
хоть не слабела сила тока:
душа не напиталась им —
не стала злобной и жестокой.
Но — как сама полынь-трава
среди солончаков и глины, —
она учились выживать,
усохшая, как пуповина;
она училась устоять,
как покоренное сословье, —
хотя в нее по рукоять
вгоняли лезвия злословья!
И — устояла,
хоть беда
над ней желез не разомкнула;
но — ей
веселая звезда
нездешним светом
подмигнула!
Когда июля день высок
и знай когда колюч и цепок, —
тогда парной полынный сок
особо яростен и терпок!
Как деготь — крут,
тягуч — как мед,
жгуч — как расплавленная сера...

Полынный сок
не всякий пьет, —
лишь тот,
кого призвала
сфера.

1992

Оглянись, Россия

Оглянись, Россия, и помысли:
Что была и что ты есть теперь.
Крылья твои веющие повисли,
снесена с петель входная дверь.

В твоем доме
сквозняки да ветер
обгладали и обвыли все!
Господи, но ведь еще не вечер —
и дойдет до цели колесо.

Только загляни за век двадцатый
в глубь веков — какие времена!..
Как Христос, предательски распятый,
воскрешен, —
так ты воскрешена
будешь, пережив грехи и боли
всей земли
и те, что за Землей...
Потому, наверно, твое поле
сплошь в полыни дымно-золотой.

Оглянись, Россия, оглянись...
Ты — была, и — есть,
и будешь дальше,
и, преображенная,
явись
просиять над миром
лжи и фальши!

1992

Демократия

Отчетливо,
с достоинством,
с пристрастием
сказали:
«Шиш вам!
Не народовластия!»
Сказали однозначно —
как отрезали!
И — говорили —
абсолютно трезвые.
И — ходим мы
по собственной стране,
как босыми ногами
по стерне.

1992

Выручка

Болото. Сырость. Неуют.
Ни обогреться,
Ни обсохнуть...
Тебя, Россия, продают
и предают, —
и не отсохнут
у них рука или нога,
и зрение не хватит порча!
Вот... если б выросли... рога!
Вот... если б пасти стали волчьи!
И — как у вепря бы... клыки
торчали, губы раздирая;
копыта б там... где кулаки,
и — шея бы...
как ель витая!
И — чтоб обличие — назад;
и — пятками вперед...
хожденье, —
чтоб вечно упирался взгляд
в их собственное рук
творенье!

Чтоб... чтоб...
да хоть полтыщи «чтоб»,
хоть рода истребленье даже,
хоть заживо в свинцовый гроб —
не отрекутся от продажи!

1992

Укор

Кину взгляд на блондинок,
На их косы — узлом!
Вся страна — черный рынок:
торг и секс за углом.

Вся страна — как канава,
где, свалившись, лежат
и великая слава,
и бесславный разврат.

Что постигло нас, Боже?
Кара или закон?
Как все стало похоже
на овечий загон!

Как сварливы, бодасты;
сплошь —
разлад и развал.
Боже, где же тот пастырь,
чтобы пищу нам дал?

Мы — всегда жизнелюбы —
что-то сникли теперь;
пухлы веки и губы
от утрат и потерь,

души стали пустыми
от тлетворной молвы,
и глаза, как пустыни, —
ни воды, ни травы.

Лиши собак злая свора
вдоль загона кружит...
Так страницы позора
нам дано пережить.

Но, унизясь, не треснем,
как под грузом причал, —
и — воскреснем!
Воскреснем
для великих начал!

1991

Прошение

Все —
ахинея и мерзость,
и — беспросветная тьма!
Господи,
дай мне нетрезвость,
чтоб не свихнуться с ума;

дай мне надежды и веры,
что и на этой земле
сгинут гоморры,
химеры.
воры отправятся в клеть...

Кто восседает над нами
в сверхнедоступном Кремле,
трезвыми глянешь глазами —
тянется шея к петле!..

Ягодка ль вызреет в поле,
с неба ль сойдет благодать...
Хочется... водки и воли,
на остальное — плевать!

1991

Результат

Нас в рынок гонят, как в поток,
не зная выхода и броду.
За пару импортных порток
мы отдадим свою свободу.

Костями мы устелим дно.
По тем костям — иные толпы
пройдут, мечтавшие давно
прийти из чопорной Европы.

Займут и Волгу, и Урал
без боя —
мы разоружились!
Какой прекрасный матерьял
они найдут
в сибирской жиле!

И — нет отечества уже,
и — многие родства не помнят,
и мы — на нижнем этаже
приватизированных комнат.

1991

Участь

Двенадцать уже без пяти...
А там — неизвестность,
там — пропасть.
Коль хочется выжить —
плати!
Спасет тебя «тетя» Европа.

Она тебе руку подаст,
она тебе стерлинг отвесит,
потом:
захочет — продаст,
захочет — повесит!

1991

Финал

Живем — и в беде,
и в нужде,
как овцы в дырявых кошарах, —
заложники новых вождей
и низкопоклонники старых.

Кто жизнь нам такую ссудил?
А мы подобрали —
и рады!
И гордо спешим на парады
с губами
в крови от удила.

Шеренгами,
бравым шажком,
напялив плащи и баихлы,
нетрадиционно — пешком
себя
донесем до могилы.

1991

Падение

Сгорели звезды и кресты.
На камне камня нет от дома.
Мы опустились до черты,
откуда нет уже
подъема.

Мы опустились до черты.
Мы потеряли даже имя.
Мы в бездну пали с высоты
и стали бездне той
своими.

Как очумелые — лежим,
почти не люди
и не звери.

От понуканий — не бежим,
на братский жест — не входим в двери.

Поодиночке и толпой
проходим, плохо понимая,
как кто-то, властный и тупой,
из нас — суть нашу
вынимает.

Мотает нервы на кулак,
в подметки души загоняет
и, как вселенский вурдалак, —
кровь через пальцы
пропускает.

Мы опустились до черты,
когда в глазах —
лишь прах застылый...
За нами шествуют кресты
восстать на будущих могилах.

1991

Из истории

Камнями полна повозка.
Убиенных то глаза,
пересыпаны известкой,
чтоб не глянули
назад.

Были синими глаза,
были карими,
живыми,
были — остро-ножевыми
сколько,
сколько лет
назад?

1991

Русские

В небе мечется белый пожар,
но не видно ни молний,
ни тучи.
Что посеял ты — то и пожал:
так пословица русская
учит.

Я слыхал ее тысячи раз.
Забывал я ее еще больше...
Русским — нам — и указ —
не указ,
хоть потом — трижды
хуже и горше!

Дух наш волен.
Наш замысел — тверд!
И — когда захотели чего-то —
не помеха —
ни дьявол,
ни черт,
и ни тот уж — из избранных —
кто-то!

Мы идем,
как волхвы на звезду;
наши вехи — истлевшие хаты;
наш костер
очень трудно раздуть,
загорится —
полмира охватит!

1991

Вина

Я знаю:
я не выиграл борьбы,
не удосужился ни места, ни оваций...
В моей крови пульсируют рабы,
готовые безропотно склоняться.

Кого винить?
Эпоху? — ни к чему!
Эпоха разрешала свои цели.
По нас была эпоха,
по уму,
который мы тогда в себе имели.
Винить вождей?
А что с них взять, с вождей?
Вожди вождями сразу не родились.
Они — как урожай
после сухих дождей,
на почве небесплодной появились.
А эта почва — мы!
Мы — черная земля,
дающая начало всем началам!
Мы — те угодия,
и те поля,
откуда чистый злак и нечисть прорастала!
Когда безропотны мы и немы,
когда трясемся над оскудной жизнью —
бесчинствуют наездники чумы,
мешая с грязью
белый лик Отчизны!

И ты
копытом
втоптан в колею,
и по тебе проехали колеса,
и душу возмущенную твою
легко столкнули, как вагон с откоса.
Ты сброшен,
ты унижен и распят,
и, как плевок,
размазан на панели...
Но твои нервы,
поры,
кровь — вопят
и требуют немедленной дуэли!..
Как страшно в мире,
как бездомно в нем,
когда один, как точка во вселенной:

душа горит пророческим огнем —
плевать на тот огонь
толпе пустоименной!
Толпе — ей хлеба дай,
ей дай вина,
ей вдоволь дай наесться и напиться,
толпа — она всегда обнажена
пред тем,
кто ею хочет насладиться!
Кто сжалится —
тому в лицо плевок!
Тому проклятья, палки и каменья!
И если даже рухнет потолок —
и он толпу
не подтолкнет к прозрению!
Минута — и висишь ты на столбе.
Толпа орет, как опием опита.
Я не ропщу!
Вину ишу в себе —
она во мне,
как черный клад,
зарыта!

1991

Провинциальные поэты

На уличке кривой и узкой
я встретил их и — обомлел:
поэты ходят по земле,
и даже — ходят по Сургутской!
Поэты ходят в магазин,
в очередях стоят с авоськой,
толкаются среди разинь
и улыбаются повозкам.
Парнасом их не стал Арбат,
где смесь амбиций и породы!
Из конституционных бань
спешат в церковные приходы.
Раздетые до наготы,
с одной вселенскою идеей, —

поэты роют как кроты
в запретных зонах Берендея!
Они — одни на приступ царств
идут, в карманы сунув руки, —
как обличители тиранств
и как заложники на муки.
Спешат разведать и раздать —
в прозрачность души истирают,
и в лучшие свои года
в глухом забвенье
прозябают.

1991

Выбор

Мы перед пропастью стоим.
А там: оскал камней
и мертвых царство!
Сорвемся или сохраним
себя —
как мир и государство?
Как обнищали мы душой.
Нас придавила зла громада.
Пред нами выбор небольшой —
и надо выбрать то,
что надо.
Раздор, невежество, вражда —
они ль черты там родовые?
Иль будем молча ждать,
когда
часы ударят роковые?
К тебе взываю я,
народ,
оставь песок обид и позу;
ты был защитником свобод
и отвращал земле угрозу.
Ты высшей властию распят,
духовно
ты под нею
вымер.

Но — выбирай!
Да осенят
пророки
твой нелегкий
выбор.

1990

Его именем

И все — от имени народа!
И вот уж
именем его
почти раздавлена природа,
и сам он —
голоден и гол.

Заткнул он уши!
Но — спиною,
хребтом —
он слышит до сих пор,
как именем его
страною
идет
страны его
разор!

1990

Памяти Д. Тарковского

Когда был жив — его не поняли
и не хотели замечать.
И — только после смерти
вспомнили,
влепив высокую печать
о премии
о Государственной...
Лежи в гробу,
лауреат!
В улыбке чувственной и чванственной
над ним склоняется Пилат.

А ты, Россия, —
ты — за пажитью,
ты смотришь только из окна, —
но твоим сердцем,
твоей памятью
совсем иная даль
видна!

1990

Зона затопления

Под этой водою полтысячи сел
и тыщи отеческих кладбищ.
Когда-то подсолных здесь
яростно цвел
средь тучных посевов и пастбищ.

Бродили стада,
шли с возами волы,
и щурились дети от бликов;
под самое солнце
взбегали стволы,
купая в нем шумные лики.

И птицы —
от первого звона луча
и до последнего звона —
в зеленой листве выводили птенчат
согласно природы закона.

И корни,
что рылись в сырых кладовых,
гордились роскошной вершиной, —
не зная того, что давно уж вдовы,
что ствол их — лишь пень в пол-аршина,
и что он насквозь прочернел и промок,
и в прах превратиться не в силе...

За что — неизвестно —
всесильный пророк
обрек его жидкой могиле.

Все ты — человек!
Как на вражий редут —
направил сюда свою прихоть.
...Под этой водою
деревни бредут,
не ведая:
есть ли где выход?

И в спорах,
которым бы век не остыть, —
рубившиеся в рукопашной,
сошлись обелиски с звездой
и — кресты,
дивясь суете своей зряшной...

Природе неведомы меты судьбы,
она не подвержена блудам;
швыряет
из хладного чрева
гробы,
как месть
обезумевшим людям!

Сбегает вода с разъяренных турбин,
клокочет в заливах затона.
И — слышится
голос
из мрачных глубин:
— За что нас?
За что нас?!

1990

Памяти Владимира Высоцкого

Мы слепы и глухи к своим порокам.
Гордыней гордо попираем честь.
И — как всегда —
безжалостны к пророкам,
которые, дай бог, в России есть!
Мы любим суесловье и помпезность.
И, не отмывшись толком от дерьяма, —

на ближнего глядим, как на ущербность,
не проявив ни такта, ни ума,
и — поучаем: так-то, мол, и так-то!
Как пес цепной — указующий перст!
а если кто-то выбьется из такта —
перст обозначит и поставит крест!
Казалось — все ребячество и грубость,
казалось — скомороший карнавал...
А он, хрипя, указывал на глупость
и даже адрес точный называл!
Он нас будил,
Он звал прозреть, собраться
и — пока время не ушло еще —
в неразберихе нашей разобраться
и ценностям назначить пересчет.
Он струны рвал, чтоб до глухих допеться,
накручивал до звона нерв жгуты!
Что — струны...
Разорвалось даже сердце! —
не прокричав державной глухоты.
И были оскорбленья и скандалы,
и в каждом учреждении — ликбез...
Когда смеялись мы —
душа его рыдала,
не находя в нас отклика себе.
Подверженный негласному гонению,
во все колокола души стуча, —
не мог он оставаться
просто — тенью,
поскольку
совесть
не могла молчать!
Как будто и свободный — и в опале;
на каждый шаг — то виза, то печать...
Его — не то чтобы не замечали —
умышленно хотели замолчать!
Какие не пускали только сплетни!
Что только не усматривали в нем!
Научимся ли
думать мы
передним —

не задним
развалившимся умом!
Не так поющих — мигом в морг и в печку.
Строптивых — в бокс!
В железную узду!
Или в психушке
выдолбим насечку
на тонкой ткани
обнаженных душ!
Какая-то нелепая традиция
плетется с незапамятных времен:
при жизни надо б
жизнью их гордиться —
мы ж эту жизнь до срока оборвем!
Потом — о боже! —
хватимся — да поздно!
Ломаем руки, волокем венки...
Они уже идут по пыли звездной
и — наплевать им
на восторг наш слезный
и на излом
предательской руки!..

1990

Не приемлю!

Хитрить, юлить, кликушествовать, ползать;
опережая, сдуть пушок с плеча...
Нет! Не могу я жить во имя пользы;
во мне Свобода — зла и горяча!
Во мне Свобода, может, и во вред мне.
Куда послушных превознес закон!
Зубами рву я привязные ремни
и проклинаю глупости загон!
О скотская зависимость!
О жалость
зарытых в землю глаз,
забитого ума!
Не хватит ни потопа,
ни пожара,

чтоб сжечь и смыть
угодничья дурман!
Скрипя зубами, затяну я пояс
до хруста ребер,
стона позвонка, —
но не дождется поклоненья в пояс
жителейских благ
дающая рука!

1990

Откуп

Одни кричат: на Запад!
Другие — на Восток!
А суть одна:
оттяпать
от благ страны
кусок!
Как рвенье,
как участие
стремятся показать, —
а сами — для распятия
пришли тебя вязать!
Твоя беда — им деньги,
и — в руку — суета!
Были деревенъки —
нет их. Пустота.
О горькая Россия,
где столько взять добра?..
Сберу ведро росы я
вместо серебра —
осыплю их:
хватайте
небесное литье!
Да только не марайте,
не трогайте Ее!

1990

Надежда

Вывожу за строчкой строчку —
будто борозды веду.
Не берет душа отсрочку,
не пустеет погреб дум.

Нескончаемые мысли
то прозрачны,
то темны, —
будто тучи
понависли,
изнутри освещены.

Стоит в них слепому магу
дернуть ниточку к себе,
как прольется на бумагу
влага царственных небес.

Этой влагой напоенный,
умирающий уже —
прорастет росток зеленый
в чьей-то страждущей душе.

1990

29 мая 1990 года

Не умерла еще Россия!
Жива Россия — хоть больна.
Пройдя сквозь версты огневые,
В другие входит времена.

Она еще неровно дышит,
еще себя не узнает, —
но кто-то подал знак ей свыше,
что воскрешение грядет!

И я, обычный россиянин,
смотрю — и вижу:

как во мгле
огня высокого сиянье
на бледно-мраморном челе.

И я душою понимаю
высокий смысл того огня,
и — сторонюсь, но принимаю
приход божественного дня.

1990

Суёта

Смотрю вокруг:
как суетимся,
как очарованы возней!
Вовек, наверно, не смутимся
своей нелепой толкотней.
Как будто ум наш смят и скован;
живем — не веря, не любя,
бездумно все и бесполково,
как будто все не для себя!
Как будто в долг берем и хочем
того, кто дал нам, — окрутить.
Над неудачами хохочем,
удачи хочем очернить.
Как будто в нас
не раздвоенье, —
а растроение,
развал!
Крови и мозга
разжиженье,
души и памяти
провал...
И только в страшные мгновенья,
к которым слепо подошли,
становимся без промедления
мужами собственной земли!

1990

Обидно

Кто правит бал?
Какие сутки
не видно неба и земли!
Политики да проститутки
свои спустили корабли.
И всюду дым чернее ночи;
и ночь — черна,
как Дантов ад!
И темень выедает очи,
и душу омертвляет яд.
Нигде — ни света,
ни просвета!
Зга — как могильное нутро!
Над каждым шагом —
цепь заперта,
у переносья —
жезл да трость!
А что же мы?
А мы — ничтоже!
А мы в стране своей — никто!
Мы — как подножные рогожи,
как выношенные пальто!
И — страшное! —
порыва плоти
нет
оторваться от земли:
и мысль, и чувство —
то в заглоте,
то — как на суше
корабли!

1990

Урок

Я горд
величием шахтеров,
себя сумевших оценить
и миллионы душ и взоров
в один порыв соединить!

Сбылось пророчество поэта:
во глубине сибирских руд
из тьмы,
бесправия,
навета
его потомки восстают!
Постыдны дней наших картины:
перекошенный болью рот,
вождей бессчетных именины,
и — отторжение сирот,
и — выдворение поэтов,
и — отлучение Христа,
и — наложение запретов
на говорящие уста;
властей помпезные пирушки,
святых вымарыванье слов,
и — заточение в психушки
инакомыслящих умов!
Все, все навыворот,
все — комом,
и все не так, как у людей!
И бестолковые парткомы
запутались в сетях затей,
но, багровея от натуги, —
как гнали — продолжают гнать!
И — с гулом лопнули подпруги,
и — с треском провалилась гать!
Как гром, что годы собирался
и — грянул! —
и — пронесся, пьян! —
Кузбасс не выдержал,
сорвался,
будя беспечных россиян.
Россия,
нет в тебе средины!
Ты — вечно бездны на краю!
И — отзывалась Украина
на боль державную твою;
и — отзывалась, потому что
сама в такой же кабале!

душе и в слове —
так же пусто,
и — так же
втоптан и раздавлен,
и обезличен человек,
и — беззаконием оставлен
с самим собой
на весь свой век!
Гнетут нас горе и отчаянье,
и явь, что лавы тяжелей...
Но — оборвалось молчанье
длиною
в семь десятков
лет!

1990

Саша Черный

В небо взмыли сотни рей.
В небе вымпел длинно-узкий.
Саша Черный — был еврей,
но писатель чисто русский!

Саша Черный был еврей,
но душа его — Россия!
Как пристрастный брадобрей —
знать ее хотел красивой.

Он хотел не только знать —
делал он ее красивой.
Голубую ее знать
называл немножко сивой.

Где сбирались остряки,
где терялось время суток —
выводил он гнойники
с милых личек проституток.

И — исторгнув из груди
в честь невежества аккорды, —

из контор он выводил
на асфальт бездельно-гордых.

И они шагали так —
будто век тому учились:
что ни шаг был — то пятак,
но, не попадая в такт, —
нежно ножками сучили.

Он совал еврейский нос
в аромат российских роз
и вынюхивал оттуда
то, что пряталось под спудом,
заклейменное клеймом:
наш российский дурелом.

Саша Черный был не гнус,
не гнусав и не евреист.
Он с полтыщи б отстегнул,
если б у него имелись!

Мил костюм его в полоску;
сам он — нежен, как туман;
он — не то что Лейба Троцкий
или Семка Гейдешман!

1990

К поэтам!

О нет!
Какие мы поэты?
Мы — слуги звучных окончаний.
Невозмутимы, как скелеты,
И благодушны, как датчане.
Мы, возвышаясь тела грудой, —
Заплесневели в своих стойлах:
Жуем разжеванное блюдо
И пьем разбавленное пойло.
Что в нас? Во взоре нашем томном,
Во слове блудном и прохладном,

Где чувство в платье инородном,
Как нищий на крыльце парадном!
Где кровь, что лавой из вулкана
Клокочет жарко и высоко?
Где мысль и поступь великана
И где прозрения пророка?
Поэты! Мы ж не запасные
Оратаи на поле брани:
Вопят в нас язвы мировые,
Как одержимые в собранье!
Мы — обнаженные порезы
Земель, утробами кричавших
Где на гнилых зубах железа
Запечатлелись лики павших;
И, как воскресшие из пыли,
Мы — точки на житейском поле,
Где, напряженьем гроз на шпиле, —
Сосредоточены все боли!
Так что же и чего бояться?
Отчаиваться нет причины:
Мы — голоса и пульсы наций,
А нациям не знать кончины!

1990

Художник

Художник слова — раб ты нищий!
Кому нужны твои слова?
Твоих сомнений пепелища,
Твоих страданий острова?

Зачем ты на исходе века?
Что просветительский твой ум,
Когда разъяли человека
Разврат, коррупция и бум

Журнальный, книжный и газетный?
Когда вершиной красоты
Прибор является клозетный,
И он же — идеал мечты!

Кому души твоей занозы,
Морщины боли на губах,
Когда полмира на колесах,
Другая — в винных погребах?!

Кому теперь твоя условность
И нравственность — кому нужны, —
Когда разъела бездуховность
Все поколения страны?

Ты — крепостной своей фактуры,
И с горечью взираешь ты
На общество, где нет культуры, —
Там настоящие скоты!

Работай же, художник слова!
В иные, может, времена
Твоя словесная основа
Взойдет на уровень зерна.

Евангелье ж от Иоанна
Гласит, что Слово — это Бог!
Да не преступят твой порог
Стопы бесчестья и обмана.

1990

Россия социалистическая

Россия! Русь! Моя страна!
Одна, желанная, под небом!
Во все иные времена
была и с мясом ты,
и с хлебом!

И духом ты была крепка,
и нравственною чистотою...
Вдруг как в песок ушли века;
скажи,
что сделалось с тобою?

Ты на своем пиру — как гость;
в своем соборе — бледной фреской;
иль, может, это
оттого,
что стала зваться ты
Советской?..

Была ты славна мужиком.
Тебя он холил и лелеял.
Или — виной тому
партком,
который сплошь не шил,
не kleил,

который — лишь повелевал,
вбивал, как гвозди, указанья
и — без раздумья — отдавал
тебя на откуп,
на закланье.

Уже восьмой десяток лет;
почти полвека — стихли войны...
А на твоем пустом столе
лежат
позорные талоны!

Народ — безрадостен и пьян.
Он — как в параличе дремоты!
Скажи мне:
кто твоих крестьян
от кровной отлучил работы?

Скажи мне:
как надел земли
с двором и кладбищем семейным,
где поколения прошли, —
вдруг объявляется...
ничейным?

А коль ничей — то и ничей!
И люди, прах родных оплакав, —

без упований,
без речей,
без распинающих знаков
собрали то, чего и нет!
Крестом заколотили окна —
и — провались ты, сельсовет;
и — пропадай ты, бабка Домна!..

Мы — на краю большой беды.
Мы — изнутри проели совесть.
Скажи мне:
кто в твои ряды
внес суетность и бесполковость?

Горит возмездия печать
на праведном и гневном лице:
кому, скажите, отвечать
за низвержение дел великих?

За разрушение души,
за насажденье безразличья,
за вседозволенность
вершить
неправый суд
и «править» личность?

Дано от неба: «виждь и внемль».
И от рожденья — каждый волен!
Не услыхал великий Кремль
язык вселенских колоколен...

Россия!
Кто тебя создал —
поворжен в прах!
И ты — лежача,
расхристанная и незряча,
в конвульсиях хохота и плача, —
восстань! —
горит твоя звезда!

Подъемли гордую главу!
Поверь в свое предназначенье!
Веками
в мире жгут траву —
она лишь гуще и сочнее!

1990

Страна предвыборная

Опять народ гудит, как рой пчелиный;
опять — не только с севера на юг,
но — от Прибалтики до Сахалина
все вздыбилось в моем родном краю.
Опять страна встревожена, как улей:
ей кто-то слово новое сказал.
И вот — тесней ряды,
и вдавленнее стулья,
и вся она —
один-единый зал!
Не верится —
но так же вот когда-то,
когда и царь еще был жив и здрав, —
мы слушаем горластых депутатов,
к крутым трибуналам головы задрав.
О чем они кричат?
Какою болью
крутые их слова начинены,
что, как ломти, посыпанные солью
и перчиком слегка подперчены!
Бери их, ум, миллионами извилин:
И — кровь,
до каждой клетки доноси!
О! Кто и как тут только не язвил
над теми, кто старался пофорсить...
Слова! Слова!
Какое время дышит!
Но нет восторгов — все пережито.
И — равнодушно,
как луна над крышей, —
мы примеряем новое пальто,
а старое — снимаем с неохотой:

оно нас согревало столько дней!
Не верим, если утверждает кто-то,
что новое нарядней и модней.
О сколько мод мы всяких пережили!
Что только не внедрял наш модельер!
Сначала — радовались,
а потом — тужили:
как жив,
как близок
и как свеж пример!
Возьми любого от пяти и до ста —
кто полон сил
и кто зачах от клизм:
чего им не сулили только вдосталь —
и даже... обещали...
коммунизм!
Мы падали и умирали стоя,
разглядывая, как в избе святой,
в периоде глобального застоя
социализм под крышку развитой!
И, выпивши на брата по полстопки, —
смеялись на деревне мужики:
«А может, надо объявить раскопки,
вот только где:
в мотне иль где мыски?»
А мужикам поддакивали бабы,
на гуще очень умные гадать:
мол, говорят, —
его свезли к арабам!
«И — слава богу!
Век бы не видать!»
Страна! Страна!
Ты — гибельно болея.
Свихнулось что-то в душах и природе, —
когда и шутка горечи полна
безмолвного во всем
простонародья!
Страна! Страна!
Да сколько ж надо сил,
чтоб из лежачей на ноги подняться,

умом и сердцем
светлою оставаться
и от обид
не закусить удил?

1990

Суд

В стране,
где правит беззаконье, —
закон тебя не защитит.
Судья туда тебя загонит,
куда и «Ту» не долетит!

И — там,
с собой наедине,
даваясь пустым и черным хлебом,
соединяясь душою с небом, —
поймешь:
в какой ты есть
стране.

Поймешь,
ютаясь во чреве лавы,
где крест дано тебе нести,
что суд мирской — игра без правил,
и что суд Божий
не в чести!

1989

В конце века

Кладбище... Галки... Сломанный забор...
Заброшенность... Забвенье... Запустенье...
Могильный пес, как одичалый вор,
Мелькает меж дерев клокатой тенью.

Присяду у могильного креста...
Чей прах, чье имя
Должен бы отпеть я?

В конце второго двухтысячелетья
Россия повторяет путь Христа.

Долга и тяжела ее верста.
И сил уж нет,
И подкосились ноги.
И сколько гдаз охватит —
Пустота;
Столбы и ямы вдоль ее дороги.

Ее и страх, и безысходность гнет.
Вокруг все бесы да свиные рожи...
Нет, нет и нет!
Она не пропадет!
Восстанет —
И врагов к ногам своим положит!

И воссияют лики на крестах!
В мучениях
В конце тысячелетья
Россия повторяет путь Христа,
А он обрел и Славу, и Бессмертье.

1989

Зима

И хоть задержалась сама
на радость кому,
кому во зло, —
а в душах
давно уж зима —
все выстыло,
все перемерзло.

Ни радости нет,
ни любви.
Стою — как ничей,
посторонний;
и острые льдинки в крови —
как стекла разбитой короны.

Святое исчезло совсем —
подобно теплу из кровати.
Над домом,
над миром,
над всем —
ни благовеста,
ни благодати.

1989

Запустенье

Порою полоснет во сне
мысль — будто сварка дуговая:
цвет нации — погиб в войне,
бесцветье —
дома догнивает.

Россия!
Сколько было войн,
и скольких сами
удавили?
Не оттого ли день так гнойн?
Не оттого ли сплошь
бессилье?

И мы теперь — не потому ль
пришли к такому запустению,
что в государственном дому,
как и в родном, —
одни лишь тени?

Срываются сердечный ритм,
и к горлу колесом — удушье...
Еще так долго до зари,
и так несносна
блажь старушья.

1989

По-прежнему

Привет вам, новые вожди!
Как повелось в стране Советов:
даете сотни вы обетов, —
но исполненья их — не жди!

Так над землей бестелый дождь
проходит, грозно громыхая, —
но нива чахнет, засыхая,
но вянет винограда гроздь.

Вот так и смертному от вас:
ни сострадания,
ни воли.
И гибнет он
с своею болью,
и ждет погибели той
час.

1989

Ленину

«Чем больше мы их расстреляем —
тем лучше!»
Какой сатанински рассчитанный клич!
Как Вы дошли до такой падучей —
Вы, дорогой Владимир Ильич?!
Ваш призыв был услышан любезно
теми, кто бредит кровью людской;
сколько людей вы спровадили в бездну,
Владимир Ильич, да кто ж Вы такой?!
Как же любить Вас и как Вам верить,
если на Бога вы подняли глас?
Если в открытые Вами двери
к власти рванулся кровавивший класс?
Как же Вы совесть свою носили,
если над кровью безвинных взойдя,
Вы в катастрофу ввергли Россию,
присвоивши титул народа вождя.

Трудно сказать:
в раю Вы, в аду ли;
может, и там Вас в сан возвели...
Полчеловечества Вы надули,
все Отечество — низвели!
От красных злодейств потемнела Млечность
Пути, по которому ходит Христос.
Владимир Ильич,
Ваша где человечность?
Как Вам присвоить ее удалось?
Черви источат нас,
пауки ли
души живые сумеют оплесть...
чем же Иуде Вы заплатили,
чтобы создать Вас таким, как Вы есть?
Свят ли наш мир,
безнадежно ли грешен —
знает об этом только Господь.
Владимир Ильич,
я не буду утешен,
пока в этом мире жива моя плоть.

1989

Аплодисменты XXVIII съезда КПСС

Аплодисменты и аплодисменты!
И зал встает,
зал топает, галдит!
Аплодисменты — будто алименты,
хоть не желаешь — есть закон: платить!
Аплодисменты эти от отчаянья,
от бестолковости,
от пустоты,
от мысли и от духа обнищанья,
от безысходности и суеты.
Бездумность, безнадега, эйфория!
Лавина слов — и ноль конкретных дел!
И то, что отошла периферия, —
зал видел, но сознаться не хотел!

Он вел «Интернационала» пенье!
Но слух терзало, как тупым резцом, —
и отпевание, и самоупоенье —
как перед неминуемым концом,
который в каждом жил,
растя неверье
в аплодисменты,
в пение,
в догмат...

А кое-кто уже смотрел на двери
и ждал, когда закончится «парад»,
мечтая не сойти с ума и толку,
лелея выход, как спасенья крест,
чтоб рассказать и близким,
и потомкам —
в какой агонии метался съезд!
Аплодисменты и аплодисменты!
Но не бывает худа без добра:
исчерпаны
народа
дивиденды —
и нет у съезда завтра,
есть — вчера!

1989

Проездом

Орел...
Четыре минуты стоянка.
Четыре мгновенья на отчей земле.
Огнем по перрону метнулась цыганка
и прахом пропала в загадочной мгле.
Четыре минуты...
Ни времени нету,
ни жизни уж нету припасть к очагу,
откуда подался по белому свету
и перед которым в сыновнем долгу.
Я шел по отцовским стопам,
но с извилиной:
то влево, то вправо бросало меня,

уж белый почти,
почти уже вылинял, —
но не лишенный души и огня, —
я долго страдал ото лжи и невзрачья,
не найдя объяснения ни в каких словарях
того, что нация, будто незрячая, —
быть не может без поводыря.

О Родина!

Правде молюсь — не наветам;
радуюсь грозам, новью и живью.
Случайные люди с партийным билетом
босыми гонят нас по живью.
Жесткой стернею изодраны ноги,
рваною раной кровянит душа;
глазами немых фонари вдоль дороги
сочувственно щурятся и мелко дрожат;
тучи — подобьем рулонов крафтных, —
катила над нами сухая гроза;
вниз головой с проводов телеграфных
свешивались
человеческие голоса;
и, сделав губы цветочною чашечкой, —
каждый тянется поцеловать
ползущую капельку крови...
шепча удивительные слова,
шепча утешения облачной нежности,
словно розовым водя по душе,
вливая в аорты мои надежности
из крови, почти ушедшей уже.
Они возвращали меня к действительности,
веля всмотреться,
вникнуть,
понять,
поддаться чувству, а не чувствительности,
сделать выбор и сердцем принять
то, что совести будетозвучно,
что не ранит и не убьет, —
а не то, что слепо заучено,
что инородным телом живет —
и не срастается!

И не срастется —
как ни вкрашивай,
как ни вживляй —
кровью отторгнется,
пылью сметется,
оспой сойдет!

О желанный мой край!

Ярчайшим созвездием славы русской
для наших и для грядущих времен —
сверкает Дуга от Орла до Курска
в бубенчиках танков с обеих сторон!
Не тот,

    кто Европу
    у наций отнял,
    а тот,
    кто народам
    вернул их край —
Дугу эту
    радугой
в небо поднял
и приказал:
— Стой и сияй!

Иные
    от дерзости этой
оглохли —
и возопили:
— Святые отцы! —
Но — наглухо

    влиты
в гужи и оглобли
Ее
    набухшие кровью
концы!..
Стрелой

    просвиста..
свисток на перроне,
судорожно дернулся сонный состав,
скрылись строения —
и только
    корона

Дуги над Орлом
продолжала блестать.

1989

Соловки

Россия. Север. Соловки.
Сурово-корткая природа.
Не близки вы, не далеки —
вы в сердце русского народа.
Вы в памяти родной земли,
где своеюлием Совлага
такие бури промели,
такие молнии прожгли,
что ни бурьяна нет,
ни злака!
Вы — наша боль и наша скорбь —
пятно родимое на лице,
произведенное рукой
эпохи памятно-великой.
Но за эпоху отвечать
не видно что-то доброхотов;
на черной совести печать —
как шаг, впечатанный пехотой...
Святой и грешный монастырь —
чертог духовного оплота, —
вскрывается
и в глубь, и в ширь
твоих духовников
работа.
И если в древности седой
здесь люди с Богом говорили, —
теперь в обители святой
свой праздник дьяволы творили!
Полы ходили ходуном,
хрустели кости тел на дыбах,
вертелось небо кверху дном
в глазах, раздавленных на глыбах;
немым сверчком таился страх;
он был почти нечеловечий,
с гримасой боли на устах

так и не высказанной речи;
им был пропитан каждый вздох
и воздух этих поселений;
пророс он как чертополох
в крови идущих поколений;
корнями впился он в мозги,
как в камни моря водоросли,
ни до рождения, ни после
так и не проломивший зги;
овитый вечной темнотой,
в ее силах, как птица в клетке, —
он воплощался в пятилетки
согласием и немотой;
и, продолжая лживо жить,
он стал знанием эпохи
и обезлюдила этажи,
и породил переполохи;
и, продолжая нарастать,
довел страну до обнищанья;
разор,

обман

и обещанья —
вот родовая его рать!
Темно и душно в этом храме,
и нету воздуха — дышать;
и, как в скотомогильной яме, —
мятется в судорогах душа;
и красными казались луны
из глубины могильных ям;
и ямы выли, будто дюны,
и шевелились по краям,
и раздвигали снизу насыпь
упорно, как росток древка, —
то голова с бровями внасупь,
то угол локтя,
то нога,
то крик пронзительный, как выстрел,
сливающийся с дрожью звезд...
Как превозмог
и как ты выстоял,

как ты сберег себя,
народ?!

1989

Оскудение

Святое слово ввек запретно:
в нем, говорят, — крамола есть!
Смотрю, смотрю вокруг и — тщетно, —
кто встал бы за России честь.
Смотрю, смотрю вокруг и — нету
среди великих и простых
того, кто бы призвал к ответу
ее хулителей пустых;
кто б ржавыми к кресту гвоздями
не убоился быть прибит
за то, что гневными устами
ее гонителей клеймит, —
как юноша, почти безвестный,
в тот страшный год
и страшный срок
обидчиков России крестной
приговорить к позору мог!
О Боже! Дай мне сил и веры,
дай слов, бичующих огонь..
Ревут геенны и химеры,
зуб точат,
нож кладут в ладонь,
уродливые тянут морды
к твоей нетленной красоте...
Неси себя светло и гордо
с Господним лицом на кресте.

1989

Утрата

Изжили совесть,
величавость,
сочувствие и естество.
И в души въелись одичалость,

безнравственность и воровство.
Как бури черная стихия,
как облаков слепой туман, —
заполнил душ углы глухие
гнилою плесенью обман.
Высокое самосознанье —
основа жизни на земле —
переросло в самозазнанье,
бесплодное, как прах и тлен.
И обмелели кровотоки,
и в полудреме сникла мысль,
и разметались кривотолки,
пятная ядом даль и высь!
И тут и там возникли язвы;
и паутина желтой лжи так заплелась,
так свилась, —
разве
плотней свиваются ужи!
Не разодрать ее ни колом,
ни бороной не расчесать!
И — явь надвинулась расколом
и дележом.
И плачет мать.
Но что ее святые слезы
над неразумностью сынов!
Еще мрачнее гроз угрозы,
еще опасней басни снов...
Присевшая среди развалин
душа кровянит и саднит:
в себе мы Бога потеряли
и не нашли чем заменить.

1989

Упущение

Бежать! Бежать отсюда!
Но — куда?
Где он, приют любви и вдохновенья?..
Все лучшее,
все лучшие года

прошли в мытарствах и забвенье.
Я не был на виду,
я не был на волне
успеха и похвал, —
но был я в черной яме
с такими, как и сам,
достойными вполне
отечества немыми сыновьями.
Пока снаружи строили мы дом —
внутри его завелся червь ничтожный;
он все точил,
он все съедал тайком —
все! —
что сточить и съесть возможно!
Я двери обходил. В открытое окно
я глаз не мог поднять —
не позволяла совесть.
А там, где червь, —
там призрак,
там давно
одно свили гнездо и ястребы, и совы.
Они всеядны были и к столу
тащили день и ночь, —
судьба свела их! —
И грозно иногда по толстому стеклу
то коготь прочертит,
то брызги капель алых.
Но — оправданья нет,
что жил я в немоте
не по своей и не по Божьей воле.
Прозрят слепые...
Но прозрят ли те?
И зашумит ли урожаем поле?

1989

Разобещание

Не кощунствуйте в общем-то,
не злобите сердца.
Разобщилося общество
до нуля, до конца.

Вроде жили, гордились
пышным пафосом дён
и себе ж навредили.
Зодчий не был умен!
Были — кто пьян, кто болен;
кормчий — душевно слаб;
каждый был подневолен,
рядом — сатрап и раб!
Звонкая бралась нота,
голос, как ястреб, летел.
Кто-то — вполсилы работал,
кто-то — в три силы балдел!
Как голубые торфы
за спиной комара, —
великие катастрофы
проглядывали из «ура!»
Они, как дымы, ворошились
над нами, за нами, вокруг нас, —
но тут же
шикарные шились
шоры для уха и глаз;
тут же сбирались пленумы
в высокородном Кремле!..
И — изгазетную пену мы
растаскивали по земле.

1989

Растерянность

То влево,
То вправо метнулась,
Бессмысленный сделал круг, —
Россия как будто проснулась
И встала. И смотрит вокруг.
Под грозными чарами демона
Трясет ее хохот и страх.
Никак не опомнится:
Где она?
Кто друг ее?
Кто ее враг?

А время, как ветер у стремени,
Со свистом проносится вдаль...
Не жалко ей прошлого времени,
И будущего — не жаль.

1988

Гроза

Все в ухабах!
В ямах — все!
В наволоках и провалах!
Солнце брызнет карасем —
и зароется в завалах!
Будто искры из очей, —
если в скулу саданули, —
на плечи бородачей
золотые сыпнули!
И как будто задержал
мир и бег свой,
и дыханье —
весь горами задрожал,
вызвал тверди колыханье!
В золотой карете гром
покатил по бездорожью
так, что гордые
кругом
дерева оделись дрожью!
И — оборванная тиши,
как взлетевших стая цапель, —
раскаленной грудью крыш
ощутила поступь капель.
А потом...
Потом поток
полоскал,
плескался,
лился, —
словно шелковый платок
на ветру горячем бился!

1988

Стена

Глазами мертвых душ
глядит в меня простенок.
Известно лишь ему —
что правда тут, что ложь?
Кем продан я и за какой бесценок:
не рваный даже рубль — обыкновенный грош!
Кто ввел меня сюда и для какой потехи?
Чьи голоса орут, глуша небесный звон?
Где в мире
отыскать
еще такой прорехи,
чтобы живая жизнь была глупа, как сон!?
Куда ни обернусь: бетонные жилища —
безликие слепцы — то серы, то черны, —
снаружи и внутри — гигантские кладбища,
в молчанье и печаль навек погружены.
Не слышно в них страстей;
в них радости, как скрипы
рассохшихся ворот на ржавых на петлях;
где смеху бы звенеть — там сдавленные всхлипы;
и кто в них властелин:
иль человек, иль тля?
А может!.. О позор! —
Сошлись в одной постели
и тот, кто хочет жить, и тот, кто — умереть?
И кажется, что в них живые омертвели,
и стороною их теперь обходит смерть.
О Боже! Огради меня от этой жизни.
Открой и тем глаза, кто от бездумья — слеп.
Неужто солнца луч за тот бетон не брызнет,
чтоб ёжили — кто жив,
кто мертв — убрался б в склеп!

1988

Слепость

Как в отместку своему народу, —
будто нами правит мот и бес, —

возвели в закон державный моду:
предавать российский интерес.

Будто дьяволы нас упросили:
с легкой и лохматой их руки
продолжаем раздавать Россию
сердцу и рассудку вопреки.

Или ум померк наш, иль ослепли,
иль в насмешку над своей судьбой
на себе затягиваем петлю
добровольно, собственной рукой.

Мозг сверлит, как проволокой ржавой,
как гнилым гвоздем проткнуло грудь:
что же вы, вожди своей державы,
выбрали такой нелепый путь?

Что же вы, войдя в Кремля ворота, —
вмиг забыли площадей наказ?
Вы же разучили нас работать:
все сырьем сбывая с молотка!

Что у нас в руках? — Топор да скрепер!
Мы в живое впились, как клещи.
Боли — ни во лбу, ни между ребер.
Виноватых? Где их! Не ищи!

Нет у нас в Союзе виноватых!
Там — генсеки, тут — секретари, —
каждый — по наитию творит...
Результат: останки сел распятых,

горче дым, опустошенней нива,
вопль земли, как рожениц — от мук!
Отворачиваемся брезгливо
от деяний глупых своих рук;

стороной обходим, околотком —
дабы не смутить счастливых глаз;

клинья заколачиваем в глотки,
правду говорящие о нас!

Хочется застыть и крикнуть: «Боже!
Эти люди — неужели мы?»
Неужели страх и бездорожье.
нас столкнут в бездушный омут тьмы?

Лбом стучусь —
стена подушки глуша!
Голос рву — не слышат.
Не хотят.
Кто поймет угрюмость деревушек?
Кто заметит город, что распят?

1988

Кровное

К вам,
Ко всем молодым и красивым,
Обращаюсь я, душу спаля:
За Союз не вините Россию —
Он и ей, что на шее петля!

Он и ей —
Что разбойник с дороги —
Нож под горло — разул и раздел;
И язык ей отсек на пороге,
И насильничал в борозде.

Забавляясь,
Играючи выбил
Синий глаз — и размазал ногой!
Вскрыл аорты и кровушку выпил,
И к закланью представил нагой.

Грудь ее
Расщепил, как орешину,
Чтобы душу и сердце изъять!..
И смертельно, и больно ей,

Грешной...
Да и вы еще цедите яд.

Что она вам?
Кого она предала?
Чьи могилы сравняла с землей?
Ее тела
Цинично отведала
Нечисть мира в войне мировой!

И давно ли
Сыны ее, дочери,
Как солому на страшный костер, —
Клали жизни,
Чтоб вас не порочили.
Чтоб стояли мечеть и костел.

Чтоб в неволе не ведали свёрки вы,
Чтоб свободной текла ваша речь...
И свои только храмы да церкови
Не смогла,
Не сумела сберечь...

Не она виновата за выводок,
Что прошелся Мамаем с косой!
И самой ей ни выгод,
Ни выгодок, —
Только боль,
Только яд,
Только соль!

Что ж вы сами,
В Союз входящие,
Под огнистой струей полотна, —
Не судимые,
Но судящие,
Оскопили себя до дна?

Что ж вам в мире не жнется,
Не сеется?

Праздность тела и леность ума!..
Только если
Россия рассеется —
Всех охватит вселенская тьма!

1988

Разгон

То ли утка,
то ли шутка,
то ли истина вдвойне:
оценилась проститутка
в три оклада по стране!
Да оклад не инженера,
не уборщицы оклад, —
а такой, как у премьера,
как в товариществе «ЛАД».
Но у нас
с деньгами... люто.
Мужики гребут гроши...
Потекла бы инвалюта —
только дело разреши!
Не пришлось бы власти
дрейфить;
стал бы рубль —
полней, чем франк;
богатели,
пухли б сейфы
в учрежденьях «Жилсоцбанк»!
Взгляда томность,
тела пышность...
и внутри огонь,
и — вне!
Небывалая престижность
проституции в стране!

1988

1 октября 1988 года

И снова, снова все сначала...
И снова камни на пути...
И в небе что-то прозвучало,
Как безнадежное «прости».
И я задумался над ним,
Над этим звуком неизвестным:
Он показался мне не местным
И откровенно — не родным.
И вдруг — он превратился в гул,
Стал осязаемо знакомым, —
Гремел он прежде над райкомом,
И вот — как взрыв в моем мозгу!
Тот гул окрест оповестил,
Дошедши с сессии верховной,
Что над свободою духовной —
Косые стрелы черных крыл!
Что снова тенью роковой
«Культ» замаячил в отдаленье
И что в известном отделенье
Вновь расщепит он крик живой.
Что он, как высохший скелет,
Вновь обрастет могучим телом,
Создаст конвойр для стряпки «дела»
По образцу недавних лет.
Отбросит он любви слова,
Лоб окольцует красной медью
И, обложась живою снедью, —
Закрутит смерти жернова!
Он снова близких разделят
Хребтом Уральским иль Саянским,
И где-нибудь под Верхоянском
Настигнет и испепелит!..
И снова,
Снова все сначала,
Вновь повторение судьбы,
И вновь пойдут шагать гробы,
Как в море
Волны от причала.

Удивление

Не от насморка и не от пьянства,
и не от обилия дождей —
я свихнусь, наверно, от болванства
крикунов,
трибунов
и вождей!

Так уж заповедала природа
правящим до смертного креста;
обolvанивание народа —
гениальнейшая их черта!
Удивляюсь их луженой глотке
и стремлению всех перекричать;
удивляюсь: как бутылка водки
действенней, чем круглая печать!
Удивляюсь диким обещаньям
то раздать,
чего в природе нет;
удивляюсь тем, кто обнищали,
но по-детски верят в сельсовет.
Удивляюсь!..
Но почему удивляться? —
скажет мне заезжий вояжер.
Подоспело время
удавиться.
Удавлюсь! —
Пусть вождь подаст пример!

1988

Афганцы

И как бы нам ни разогнаться,
И как бы круто ни взлететь —
Перед глазами все афганцы,
Калеки, — численностью в треть.
Вторая треть лежит в чужбине —
Земная скрыла их кора.
Кто под прицелом...
Кто на мине...

Кто на равнине...
Кто в горах.
А третья треть,
Что вкупе с первой,
Она не чья-нибудь — своя!
Спалившие сердца и нервы —
Отверженные сыновья!
Живым — им горше и страшнее:
Страна не хочет их признать,
Страна не хочет то понять,
Что нет вины их перед нею!
Они на верность присягали
И заплатили хор-рошо:
Кто — головою,
Кто — ногами,
Кто — исковерканной душой!

1988

Дзарт

Мы запрягаем — и вперед! —
не зная цели и дороги,
не ведая, каков исход
и что сподручней:
сани ль, droги?
Да и в дороге — невдомек
ни осмотреться, ни обдумать:
то занесет на огонек,
а то швырнет в объятья кума;
то кругом ходит голова
от кабака ли, от красотки;
и — там, где помогли б слова, —
мы глушим конъяки и водки!
И — ошелелые — уже
не ведаем, где сорвался;
уж нету удержу душе —
все вмяли в грязь и под колеса!
И — гоним! Гоним!
И назад
не повернуть, не оглянуться.

Как одуряет нас азарт —
готовы вдребезги столкнуться.
Мы запрягаем и — вперед! —
не ведая пути-дороги...
Потом лишь
оторопь берет:
как целы
головы и ноги?!

1988

Глухо

Круглосезонная дубленка,
Треух замызганный, порты.
Угрюмо хлюпает долбленка
У берега, где киснешь ты.
Дожди затеяли мороку,
Ветра затеяли скулеж;
Как полагается пророку —
Ты в этой выверти живешь.
Седой опутан бородою,
С больными углами в глазах, —
Ты окружен святой водою,
Язычествующей в кустах,
Где меж корней,
На гулких глыбах,
Под гусеницами копра,
Ее языческие всхлипы,
Как вопли твоего нутра.
Но... все без отклика,
Все — глухо,
Все в жизни — разучились сметь!
И только в образе главбуха
Счета выписывает смерть.

1988

Внуку

Фролу А.

Приветствую тебя,
мой долгожданный внук!
Любимец мой — заране это знаю.
Как связь с грядущим днем —
тебя воспринимаю
и мир тебе дарю из ослабевших рук.
Приветствую тебя, родимый стебелек
на древе человеческого рода;
обогатила мир тобой природа.
Ты сделал только шаг,
но так уже далек
 тот миг,
когда,
покинув ложе тьмы,
ты вскрикнул,
ярким светом ослепленный,
и оказался нами оцепленный:
куда ни глянь — повсюду мы и мы!
Один, спеша, тебе коляску катит,
другой получку на игрушку тратит,
четвертый грезит: будет знаменит,
а пятый кухней жаркою смердит!
Забрось все это,
будь к вниманию чужд;
богатство не люби и не считай пороком;
пусть не дано тебе идти пророком, —
но сбереги по смерть
любовь и свежесть чувств,
но душу сохрани такою, как теперь,
но сердце не отдай
вражде и озлобленью...
Мы — потеряли все!
И от таких потерь
погрязли в лжи,
разврате,
преступлениях.
Мы кровь друг друга льем —

как реки воду льют.
Друг друга нервы мы
на барабаны крутим
и, усадив себя на общую скамью, —
как будто вечность жить —
сидим и воду мутим!
И хоть родил наш век с полдюжины идей,
достойных жить и в двадцать первом веке, —
не отомкнул он человека в человеке,
не облегчил он жизнь своих детей.
Мы — что могли — смогли,
На слово мне поверь ты,
как веровали мы
в Отечество свое.
...Как продолженье жизни,
как бессмертье
приветствую
рождение твое.

1988

Памяти А.Д. Сахарова

Полувоздушен,
Медленен,
Бесстрастен...
Согбенный временем и бытием,
Да «горьковским» кормленьем и питьем,
Пройди к трибуне,
Он декрет о власти
Советов
Съезду предложил принять.
Но мало кто хотел его понять!
Он там стоял как бы вполоборота.
Чтоб видеть и президиум, и зал,
И требовал свободы для народа —
Народ ему на это право дал.
Но с высоты рядов
И свысока
Тянул сквозняк вражды и недоверья;
Его слегка отталкивала к двери

Витающая «большинства» рука.
Позорная страны великой дата!
Под вопли «плюрового» большинства
Его дернул даже председатель,
Не видя с ним духовного родства!
И он сходил униженный,
Убитый,
Под грязный и глумливый хохоток.
Зал отпихнул его уже открыто
И ликовал:
— Как посрамлен пророк!
Но телезритель,
С «большинством» освоился,
Уже имел суждение свое:
— Не депутата изгоняли —
Совесть!
Поскольку в жизни
Легче без нее!
О Боже! Не изгладится до срока
Из памяти,
Как царствие твое,
Позорное изгнание пророка
С трибуны съезда
В морг,
В небытие!
Останется
В тяжелых снах России,
Как партия безвыигрышных карт:
И «большинства» послушного
Бессилье,
И «меньшинства» криклиового
Азарт.

1988

II. Предчувствие

Путь

Когда душа и ум в разладе,
когда двоится колея, —
на окружающих не глядя,
пусти на волю свое «я».

Оно пройдет сквозь рвы и дебри
и, изодрав колени в кровь,
войдет в единственные двери,
где исцеление — любовь;

где родники
живой водою
тебя церковно окропят
и над обидой и бедою
для новой жизни воскресят.

1987

Домовой

Домовой —
которым пугали когда-то,
которого боялся даже отец, —
охранял от пожаров подворье и хату,
в поле стерег коров и овец

Его почему-то представляли кошкой,
хотя обличья никто не видал.
Мама его одаряла рогожкой,
чтоб было помягче, —
но он сеновал
предпочитал ее стараниям,
где в духмяном настое трав
мы — горячие до возгорания —
спали, глаз не сомкнув до утра,

каждой жилочкой в шорох вслушиваясь,
в щелочку — уже мизинца — дыша...

Ночь окружала нас мягкостью плюшевой,
звездным нарядом искристо шурша.
Когда ж подступали рассвета разливы
и птицы пробовали голоса —
снизу хрюпело:
«Эй, вы там живы?»
Это отец обходил свой сад.

Тогда мы смело глаза смигали,
выпустив жару полчердака!
А в трещинке кровли звезды дрожали,
куда-то вслепую ползли облака;
небо темнело промытым донцем,
сухо порхал тополиный снег,
прищурясь,
из вод выходило солнце —
но все это было уже во сне.

День без нас начинал свое шествие:
топал,
грохал,
зудел,
стучал...

Разноголосо кричала общественность,
кто-то кого-то разоблачал;
в полдень, как в мозг, въезжал трактор,
острыми шпорами череп кроша...

С прошлым —
совсем не осталось контакта;
действительность —
как пустая душа.

Смотрю —
и глазам задержаться не на чем.
Тайнे,
саду,
подворью — хана!

В мире безверья
домовому быть незачем:
нет ни коровы,
ни кур,
ни зерна...

1987

Действительность

Действительность — равна помойке!
За век скопилось тут хламья:
от посиневшего с попойки
до неподсудного хамья!
Чего на дне не встретишь этом?
С кем не столкнешься к носу нос?
И — со свихнувшимся поэтом.
и — с парой, слившейся взасос,
и — с поселянами поместьей,
которых нет уж на земле,
и — с наркотическою вестью
о перестройке на селе;
и — удивишься к власти падким,
которых выстроилась тьма, —
порой не только недостатком,
но и отсутствием ума!..
Тут все равны.
Тут нет великих.
В действительности ледяной
лишились выпукостей лики:
однообразны, как улитки,
как пляж, зализанный волной...
О общежитье конца века —
копилице злодейств и дрязг!
Нигде не видно человека —
сплошной зубов железный лязг!

1987

В июле

Июль дозрел...
Зарницы белые
коронами сверкали в ночь.
Деревья дремлют оробелье, —
им от жары уже невмочь;
деревья будто зачарованы —
листком не дрогнут верховым:
тупым бессмыслием наполнены,
нагружены по темя им.
Куда ни глянь — кругом идиллия!
Ни чувства, ни участья нет.
Лимонно-сладкая Сицилия!
Глаза недвижны, как клозет.
Забыли, что ль, что мы на севере,
что наше солнце надо греть,
что наши дали грязно-серые,
как щеки, надо оттереть?
Что к нам сама собой не скатится
крупинка манная с небес;
что головой потом поплатится
за сонную беспечность лес;
что ветры спящих не пожалуют —
повалят и не пощадят;
и молнии пройдут пожарами,
как митинги на площадях!
С ольхи, с сосны, с березы ль спросится,
что, в окружение войда, —
слащавою разноголосицей
бездумно славили вождя?
А вождь внимал, в себе уверенный, —
Уж он-то знает, что и как!
И — просмотрел... Как бурь поверенный
прошелся по двору слегка
воронкою столбообразною,
захлопнул ставень, сбросил таз
и — загремел, забил, запраздновал,
неотвратимый — как приказ!
Как маховик себя раскручивал,
швырял пригоршнями песок,

и встал он ростом вровень с тучею,
стал необъятен и высок!
Разметанной по небу конницей —
разорванные цепи туч!
Лес влево, вправо, навзничь клонится;
Гудит за гору, за версту!
Лес — как идет... Какая ветреность!
Какая паника теней!..
На всех

державная ответственность
за все свершения в стране!
За то, что в лживой добродетели
не разбирались до конца;
за то, что жили как свидетели,
не ободрав о боль сердца;
что оказались нераспятыми,
что отсидались в дремыхнях,
что не остались крови пятнами
на улицах и площадях;
что кухонным пленились ропотом,
вмещаясь в абажурный круг...

А в небе

с катанинским хохотом
Бесился вырвавшийся Дух!
И флаг печальными лоскутьями
не мог сбирать и предводить...
Мы прожитому стали судьями,
о нас — грядущему судить.

1987

Времена

Моя судьба округла, как яичко!
Моя судьба — как билиардный шар!
По мне

катком дорожным
обезличка
прошлась, разглаживая и потроша.
И потерял я третье измеренье.
И стал я прост и плосок, как квадрат.

По смятым членам растеклось смиренье,
являл блаженство и довольство взгляд.
Рассудок — словно куст, водой опитый, —
расцвел: «Теперь душа погребена!»
Он взвизгнул,
он восстал, как пес пооитый:
пришли собачье-волчьи времена!
Не стал я слышать голоса пророка:
Я разум свой отбросил как ничто!
И — все пороки во мгновенье ока
в меня впились зубами жадных ртов.
Я стал для них, как матка,
стал, как блюдце,
наполненное сахарной водой.
Грозивший бедам честью революций —
я сам

всему живому
стал бедой!

Разъял я воды,
небо стал калечить,
я суть земную на кресте распял:
я подошел к уничтожению речи:
зажал язык — и взялся за кинжал!
Я шнур подвел под Эверест тротила
и спички взял... и бездна б поглотила
в единый миг устои бытия!
Но вот душа обратно возвратилась
и все вернула на круги своя.

1987

В разрезе

И, наконец, коснулось слово слуха,
и замер ум, вникая в его суть,
когда народный депутат Матюха
раскручивал России скорбный путь.
Он миллионы брал и миллиарды,
возвращенные на крови россиян,
стекавшие торжественным парадом
в других республик порванный карман.

Он судьбы брал,
вертел их на ладони,
показывая миллионам глаз,
как безразличье к нам и беззаконье
к черте последней подтолкнули нас.
Как утвержденье! — а не знак вопроса
с железною он ставил прямотой
о вырождении великороссов,
раздавленных жестокой нищетой...
И стыдно было за вождей российских,
древавших под словесный ураган,
не предъявивших праведного иска
дерзнувшим

ее имя
оболгать!
Придет ли, нет
великого народа
правительство достойное всерьез?!

Молчат созвездия,
молчит природа...
и кто ответит на такой вопрос?..

1987

Крысы

Побежали по улицам крысы.
Набежала их целая тьма
и на сцену,
и за кулисы,
и в общественные дома!
Сколько ярости!
Сколько визгу!
Все живое грызут и когтят,
и — глаза их,
как ртутные брызги, —
мертво мечутся и горят.
И в разгрузочной,
и в дренажной,
и в колодцах — полным-полно!
Будто скальпели —

зубы их влажно
и разбойно блестят в окно.
Будет, нет ли
конец этой пытке?
На чердак забрались,
на карниз...
Их — до ужаса,
их — в избытке —
этих жирных
разбойных крыс!

1987

Командировка

Аэропорт — как звездной мглы кусок!
Огни блестят, как золото в отсеве.
Уходят: кто на юг
кто на восток,
а я спешу на светозарный север!
Там — световой!
Там факелы, как смерчи,
космато и размашисто горят
и — на ослепительном наречье
о бесхозяйственности говорят!
Живую душу содрогают вопли.
Пред ними —
детским всхлипом летний гром!
Мы — как не слышим,
мы — будто оглохли,
будто не боль,
а тиши да гладь кругом!
Иль все равно нам,
или нет ума
собрать огонь тот, чтоб работал вволю.
По всей стране такая еще тьма,
такая еще загнанная доля;
еще народ о «лампе Ильича»
в глухих селеньях знает понаслышике
и тащит бревна на худых плечах,
чтоб нащипать лучин для чтения книжки...

И это — здесь! И это все у нас,
в стране, дерзавшей стать земли оплотом
и ввергнутой в который уже раз
своим вождем
или залетным чертом
в тюрьму, в застой, в невежество, в разор,
в немыслие и в опустошенье!
Скажи, зачем тебе такой позор?
Чего во имя эти униженья?
Кричу в пространство...
ни один глагол
не тронет настороженного уха.
Воистину! — все правит произвол,
и тяжесть тела давит ребра духа!

1986

Мысли о гласности

Как только
была
объявлена гласность, —
то есть
человеку
возвращена суть его, —
и — полетела воронья каркость
по всем направлениям времени смутного.
И стали выть,
подывать,
завывать;
луну обвили басом и тенором;
стали заманивать и зазывать —
кто в одиночку,
а кто и с тренером.
Говор, как вор, ворвался во двор;
прошелся пустынным
огородом и подворьем, —
оттуда в газеты,
на телевидение,
на створ:
Русская низменность — Тибетское плоскогорье!

Гласность
разрослась,
как короста меж пальцев —
зудит,
не дает и минуты покоя,
с каждого
осязаемого миллиметра
плялится,
развратней гулянок,
разгульней попоек!
Ею,
    болтливой,
дороги устланы,
тропы ею —
в бинты забинтованы;
паственно,
пьяниственно,
письменно,
устно
ею прихлопнуты и забунтованы
все, —
кто и говорить не умел,
кто почву комкастую в пальцах оттаивал, —
вдруг от словачества
как очумел,
как будто
    айсберг
во рту утаивал!
Такою водицею можно мир затопить,
если не одуматься
и не отказаться...
А каждому хочется есть и пить, —
откуда питью и еде этой взяться?
Кто
    возложит
ладони на плуг
и выведет борозду
длиною до солнца?
Кто в гиблую слякоть,
в знойном пылу

семя согреет, смирясь с бессонницей?

Кто-то ж должен нас накормить,

кто-то ж должен обуть и одеть нас?..

А мы

языками

бревна кромить,

а мы голосами содрогать окрестность!

Становлюсь в позу Иисуса Христа,

отделяю душу от грешного тела:

— Слушайте,

перестаньте болтать, —

давайте что-нибудь

делать!

1985

У подъезда Политехнического

Здравствуй,

здравствуй, Политехнический!

Словоблудия не терпя, —

не лошадкою поэтической —

я поэтом вхожу в тебя!

В коридоры твои и комнаты,

в аудитории твои

залетали, славой откормленные,

разношерстные соловьи;

залетали сюда воробышки:

почирикают — и в кусты!

Страшновато:

опалят перышки,

вынут косточки на кресты!

Обожаю я чувства голые,

перед вами я — как дышу:

если надо — оставлю голову,

хоть и очень ей дорожу.

Если надо — оставлю сердце я,

чтобы грохот, как из бойниц,

чтобы разная птица серая

не обкаркала ваших лиц!

Дайте руки. Как други давние

по хрустальной пойдем росе;
за ресницами, как за ставнями,
с лицом мученика — рассвет.
Даль туманами занавешена —
как завешена кисеей,
на деревьях от солнца вешнего
вперемешку птенцы с листвой.
Жизнь идет от простого к сложности
через действие губ и рук, —
развивайте ваши способности
в освоении точных наук.
Вы не вянете в стенах каменных,
год от года — вы красивей!
На студенческом вольном знамени
факел мудрости — световой!
Из пророческих и лирических
голосов
этот воздух сшит;
я пришел к тебе,
Политехнический,
как к истоку своей души.

1985

Осенний лес

Гордишься молодостью ты своей,
гордишься красотою и здоровьем, —
а я уж тронут гибким белокровьем
и сединою головы моей...
Я — лес осенний.
Прежде легкий шум
гудит во мне прощально и наоатно;
и по беседе, прежде неприятной,
теперь тоскует мой холодный ум.
Укроюсь скоро белою зимой.
Но прежде
чем снегам меня укрыть, —
поговорить хочу со всей землей,
последний, может, раз
поговорить.

Я — лес осенний.
Сквозь меня текло
цветение и созреванье плода;
я знаю мира солнечную плоть
и знаю цену слов: «погода», «непогода».
Я бури помню...
Как они
                  края —
то есть передовые мои силы,
ломали, ветви в крошево кроя,
стволы и корни в месиво месили!
Пожары помню...
И теперь еще
то здесь, то там
дымятся мое тело;
и тлеет кожа впалых моих щек,
где час назад —
улыбка дня блестела.
Все резче ветра свист в моих ушах.
Последний лист
скользит подбитой птицей.
Но прежде как навек угомониться, —
вокруг оглядывается душа.
Тоскливо мне без листьев и без птиц;
оборван мой контакт с поющим миром;
упьюсь я безраздельно белым пиром,
которому — ни края,
ни границ!
Теперь лишь редкий гость
под полог мой придет
послушать ветра вой
в заледенелых сучьях
да посмотреть, как в бурю упадет
с окостенелых плеч воронья туча.
Я — лес осенний...
Я — в себе живу
и с небесами лишь веду молву.

1984

Об орехе

Время перезрело,
как орех.
Раскололась
скорлупа его
литая.

Обнажилось,
в вечность отлетая,
то, чего касаться было грех.
То, о чем догадывались вскользь,
то, что созерцали
только молча,
оказалось вдруг без оболочек
и обозреваемо насквозь.
И оборотились в лед глаза!

Ждали-то...
совсем иного ждали,
не перечили,
не обсуждали
и голосовали только за!
Только и заглядывали в рот,
головы не знать зачем носили, —
но — чего смогли, того вкусили —
несъедобным оказался плод!
То, что было тайною из тайн,
что неординарным было,
избранным, —
оказалось гадким и неприбранным, —
горечью,
пятнающей уста.

И
заговорили невпопад!
Поспешили вмиг отмежеваться!
Стали насмехаться и плеваться,
а ведь жили
душа в душу,
в лад!
Поливали, ведрами бренча,
это древо дружною толпою,

пели гимн любви ему
запоем,
пьяные
не от магарыча!
Жалко мне теперь
на вас взирать...
Что осталось от блудливой спеси?..
Следующий — кто?
Кого повесит
иль растопчет
«преданная» рать.

1984

Звенья цепи

Как родился я — так и прожил полсотни лет.
И вот — иду к закату...
Но еще полны реки моих жил,
еще клешисты рук моих захваты;
еще я так держу перо и мастерок,
так вывожу еще версту и строчку,
что общество известных мастеров
с любовью шьет мне новую сорочку!
Я благодарен всем и — одному
тебе, отец мой,
начертавший имя
мое на небе, хлебе и дому,
достойное и равное с другими.
Тебе я присягаю. А в тебе —
пример мне родине негромкого служенья —
как длинный дождь, что падает с небес
без молний, без громов, без наводненья, —
как тихий долгий дождь над древней бороздой,
едва поросшей юною травою...
Мы — люди на земле — не звук пустой,
мы — суть ее, но с собственной судьбою;
мы — каждый — продолжение того,
кто был до нас,
для позжих мы — начало;
мы — миг какой-то в измеренье год,

но миг в году — совсем уже немало!
Идем по жизни за звеном звено,
как цепь из глубины бездонного колодца, —
и никому на свете
не дано
узнать:
кто из ключа студеного напьется!
Одно я вижу:
на людском лице
легло средоточенье знаком новым,
что сами оборвем мы эту цепь,
когда себя самих не остановим.

1984

Синица

Ах, синица!
Бездомная птица,
не имеющая жилья!
Не уедешь ты за границу,
как туда не уеду и я.
Что лазурь нам? Что пена прибоя?
Что зеленая шея волны?!
Что нам небо всегда голубое,
под которым во все влюблены?
Ну а если серьезно?
Серьезно —
как ни боятся иные умы, —
не прожить нам без белой,
морозной,
обжигающей горло зимы!
Без равнинной, немереной дали,
где теряется возглас и след;
без пронзительной русской печали,
зарождающейся во мгле;
без горящих — из снега — окон,
без бегущей в рассвет борозды
и без этой Полярной,
высокой,
согревающей душу

звезды!
Без ликующей в марте капели;
а февральских метелей бега?!

Мы, синица,
навек прикипели
к этим розово-синим снегам!
Да и в пенье твоем,
в оперенье
сумеречно-щемящая синь...
Что юга нам,
что моря кипенье, —
душу греет прохлада осин!
Вон и звезды над крышей зардели,
как пшено, что в кормушке твоей.
А по полю кудрявят метели
табуном белогривых коней!

1984

Ночная птица

Гляну вдаль: то лес, то поле,
и — сквозная синь осин!
Сколько света, сколько воли,
сколько дива на Руси...
Дрогнет хлебный в поле колос,
ветер в листьях прошуршит —
русской птахи чуткий голос
тут же вскинется в глухи
и заходит, как в тумане,
рассекая пустыри;
этот голос будто ранит,
будто режет изнутри!
Я закладываю уши,
развозжу огнь в печи —
выворачивает душу
этот скорбный плач в ночи!
Ах, анафемская птица,
пощадила б хоть своих...
Негде, не за что укрыться
от рыданий роковых!

Что твой крик?
Какого мира
боли в нем заключены?
Черной вечностью иль мигом
звуки вещие полны?
Что пророчишь ты, лесная,
вечно скрытая от глаз?
Кто, потерянно стеная,
в мирозданье ищет нас?
Чье — готово разорваться —
сердце, потеряв покой,
к нам стремится докричаться,
изводясь в тоске глухой?..
Не смолкай же, птица-птаха,
ни в лесу, ни на меже,
криком скорби,
криком страха
пробуждай добро в душе.

1980

Белая сова

Там,
где северные острова,
где тундра лежит
в нерастряченной нежности, —
полярная гнездится сова —
красивая птица красивых окрестностей!
Когда она взмахивает не спеша
белыми крыльями, словно руками, —
кажется, будто плывет душа —
как знак между небом
и грешными нами.
Кажется, кто-то
откуда-то из...
где все изящно и совершенно,
послал ее к нам без условий и виз
смотреть,
любоваться
и видеть, как бренно —

то, что есть мы,
наше тело и мозг,
будто стремящиеся к совершенству,
на деле — себе творящие мост
в небытие, будто к блаженству.
Угрюмо,
отчаянно, по капле,
по две
мозг, как простины скрутив,
выжимаем
на то, чтоб вовек не подняться траве,
чтоб глас не возвысила клетка живая,
чтоб вдрызг
континенты и острова,
чтоб вместо Земли — дыра на орбите,
чтоб в этой дыре
воем выли слова,
как заблудившиеся в лабиринте!
Откроем ли нового века главу
иль в старом исчезнем с последнею датой?
Не жаль человечества — жалко сову:
она прекрасна и не виновата.

1978

Расслабленность

Мягкий
импортной фирмы диван;
полосатый халат — шкурой тигра...
Я — с утра — то с похмелья,
то пьян, —
беззаботный,
как вечность выиграл!
Обложили меня вокруг
похоть, пошлость —
и настежь колени;
и еще полдесятка подруг —
все подручные шлюхи-лени.
Эта на ухо шепчет: «Люблю».
Эта веки и лоб целует.
Третья пьяно шипит: «Убью!» —

и коверкает рожу злую...
По желаниям их,
по желвакам
замечаю я третьим глазом:
прибирают меня к рукам,
по частям прибирают и разом!
Все зацепывают, глумясь,
в сокровенное самое пялятся...
Отойди, оголтелая мразь!
Уберите лохматые пальцы!
Обозлясь, я хандру перемог.
Слышиу — силой шальной обрастаю.
И, собравшись в единый комок, —
на угодниц своих бросаюсь!
Кого — в морду, кого — взашей!
И по правилам, и без правил!..
Вдохновенье проснулось в душе
и готово к любой расправе!
Опрокинулась навзничь бессонница,
расползлась по затрецинам тьма...
Как работа высокого солнца —
есть работа души и ума!

1978

О соколе

А сокол небо облетал,
дышил свободою и волей...
Огонь, клок дыма,
треск на поле —
и ткнулся под крыло металл.
И сокол ранен был в крыло.
И он упал на птичьи дворы.
Как хохотали куры хором,
и каждая клевалась зло!
А он, раскрыв могучий клюв,
сверкая взором, — защищался,
и откровенно насмехался
над суетой домашних клуш!
Но силы были неравны...

Крича от злости и боязни, —
все куры праздновали праздник,
свою храбростью
пьяны!

1977

О поцелуях

Целуются — везде!
Целуются в метро.
Целуются на улице,
на площади;
целуются наивно и хитро
кто с женщиной,
кто с пьяницей,
кто с лошадью...
Целуются — прелестнейший удел —
на прôводах,
на праздниках,
на выданье!..
И — как для оправданья важных дел —
целуются порой на телевиденье!
Смотрите, мол, на нас, материки,
Как хороши мы на экранном блеске!
Но это — большей частью — старики,
Поскольку больше целоваться не с кем!
Кипит холодных губ водоворот!
Полмира в поцелуе слилось разом!
И — что ни поцелуй — трубопровод
с отечественной нефтью или газом!
Цена на них как на дрожжах растет:
(до умиленья сладкая картина!) —
поцеловали — на тебе завод!
Еще раз — Асуанская плотина!
О прихоть одряхлевшей старины:
губами, как мочалками, торгуют!
Уже процеловали полстраны
и, кажется, возьмутся за другую!
Почти
на сотню лет вперед
дарят,

красуясь безответственно и гордо;
от имени народа говорят
хоть знать не знают
мнения народа!..

А ты...

ты — ими замордованный — молчишь,
взирая на предательскую моду...
Когда-нибудь хоть ты заговоришь,
как подобает говорить народу?!
В твоих глазах кипит и гнев, и боль...
Неужто только из-за благородства
ты перестанешь быть самим собой
смиряясь с народившимся уродством?
Ужели безвозвратно пропадет
в тебе то величайшее начало,
которое и создало народ
и от толпы бездумной отличало?
Целуйтесь вдохновенно и светло!
В объятиях планету закачайте!

Но только
поцелуи
в ремесло
и торжища,
молю, — не превращайте!

1976

Северные аэропорты

Аэропорт набит людьми —
как груздем на зиму кадушка!
Мороз — за сорок за дверьми,
а здесь и пасмурно, и душно.
До грамма съеден кислород.
В накратах
лбов горячих глыбы, —
но — прибавляется народ
с веселой радугой улыбок.
О улыбающийся люд!
Хотя чему тут улыбаться,
коль третья сутки не дают

за деньги на небо взобраться!
Но мало кто о том ворчит
и кто вступает в перепалку.
Могучие бородачи
прогуливаются вразвалку.
Шагание унтов и шуб,
шуршание шарфов и шапок,
пожатья рук, восторги губ
и — фунт презрения на шавок!
Порознь живущее родство,
собравшееся воедино, —
и откровенно,
и наивно
свое являет естество.
Здесь всех наречий говорок;
здесь споры бурные о жизни;
что ни кружок, то уголок
великой матери-отчизны.
Я рад, что в этой толчее
не крайний я и не последний,
а созидатель и наследник
с живой заботой на челе.

1976

Возмущение

Да!
Возмущаемся мы не степенно.
Мы — водопад! —
не смрадный водоем.
И знают только
потолки да стены,
как мы грешны,
кому проклятья шлем.
Меня сочли бы за врага народа
своей земли сокрытые враги,
что растоптали совесть и свободу
и полстраны отдели в сапоги
казенные,
без хлястиков фуфайки,
фуражки, что картонные ковши,

где всех покой оберегают лайки,
где злее лаек — лагерные вши!
Возможно ли тому не возмутиться?
И, возмущившись, вновь произнести:
— Россия, твое имя да святится!
Заблудших и зарвавшихся —
прости.

1976

У подножья Машука

Ну что вы...
В этом поединке
он не кипел и не мрачнел.
Он был прозрачен, как росинка
на свежем утреннем луче.
Ну что вы... злость...
откуда злость в нем
в минуты считанные те?
И на пороге на погостном
все предаются доброте...
Он в гору шел.
Бока крутые
вздымала гордая гора.
В расселины — врата святые —
сползала желтая жара.
Большими воздух пил глотками,
смотрел на солнце с-под руки;
цвели пыльцой и лепестками
его большие сапоги;
гадал на венчиках ромашек,
был в камни твердью каблука;
ему казалось: кто-то машет,
какой-то образ в облаках.
И, от земли уже отринув,
за образом он шел и шел,
не замечая, как Мартынов
курок у пистолета взвел.
Он шел за образом...
А буря

его сшибала: осмотрись!
И чем-то пепельным и бурым
мгновенно тучи налились.
Дождем видение размыло.
Кругом кипел камней котел...
А он надеялся на милость,
а он не верил в произвол,
он ждал,
он жаждал:
и сквозь бурю
к нему тот образ снизойдет...
А жизнь свое решила, дура, —
решила: тут он упадет!
К опасности упрямо близясь,
он не хотел терять мечту.
Ему — стрелять?
Какая низость!
Да и убьешь ли пустоту...

Гроза прошла.
Сверкнули дали.
Сияли капли на кустах.
Цветы и птахи оживали.
А Лермонтов... уже... не встал.
И — виновато,
оробело
гром пододвинулся, крестясь;
над ним уже склонялась Бэла,
степной былинкой надломясь;
ручьи в траве примятой рылись;
и солнце, глядя на мундир,
лицо ладонями закрыло,
заметив ранку на груди.

1975

Созерцание

Порою, праздный, созерцаю,
что мы смогли,
что — не смогли.
Во мне — сомнения мерцают,

как раскаленные угли.
Они — когтят,
они — кинжалят,
они — сумели обложить,
они — змеей стозевой жалят
за то, что пил из лужи лжи,
что общими ходил кругами,
на голове хотел стоять,
что истину давал поганить,
оплевывать и очернять,
что разглагольствовал
в сторонке
от всех земных перипетий;
что не отер слезу ребенка
и даже не предупредил!..
И нет восторга мне от моши,
и отомщеньем я не пьян;
и лоб мой
мыслями наморщен,
как неспокойный океан.

1975

Слабость

Сдаю позиции... сдаю...
И оттого больней и хуже,
что я сдаю их не в бою,
а разрыдавшись перед лужей;
что мог бы... мог бы...
да не смог...
Любые доводы нелепы.
Когда-то бушевавший бог
покорно перешел на лепет.
Склонивши голову на грудь
и не поверивши в удачу,
смотрю я на прошедший путь,
смотрю... и плачу.

1974

Баллада о рынках

Звезды. Звон. Гололедь.
Дым черен-черен.
Звездами на шубе медь,
Воротник — Печора!
На кустах — серебро,
Лунные кольца...
Под руbahой
Ребро
Исхудало — колется!
Я — в двадцатых
(эка даль!),
На торговых рынках.
Ободраны города
Рынковым рыком!
В два, в тридорога.
Цены — не подъехать!
Пляшет босая нога
На крупе снега.
В кабаке — толкотня!
Ругней крыша сорвана!
Здесь с зари,
С начала дня
Все рванье собрано.
Здесь пьют,
Здесь быют,
Покупают,
Продают,
Предлагают штаны
И с себя,
И с жены!..
Вот идет, стеля деньги,
С янтарными костяшками —
У него
Страна в долгу
С индустрией тяжкою!
Звездами на шубе медь,
Воротник — Печора!
Что ему заиметь
Душ и тряпок ворох?!

Нэпман, сволочь!
Продай
Мне белья пару.
Ты на золото пуда
Как на падаль падок;
Ты — из мертвых воскрес.
Как калач — рожа!
Под подушкой — обрез,
Под полой — ножик...
А страна — молода.
В сущности — ребенок.
Холодна,
Голодна,
Недохват пеленок...
Пожалеешь?
Черта с два!
На прицеле сердце.
Голос никнет, как трава.
Кровь по снегу стелется.
Зажимая рвани ран,
Падая, вставая,
Ты вперяла брови в рань,
Смертно уставая,
Но бурлила,
Но жила —
Нищая, но цельная!
Как судьба ни тяжела —
Ты была нацелена
В наш,
В семидесятый год,
В это настоящее.
Как теперь
Твой взор горд,
Сказка, былю ставшая...
Дилижанс... дирижабль...
Год двадцатый —
Стар ты!
Раздувают блюдца жабр
Корабли на стартах.
У штурвала стою
Бодрый, бессонный,

Из карманов достаю
Горсти солнца
И плачу вам!
Как мала
Даже солнцем плата
Вам за все ваши дела,
Люди из двадцатых!
Что еще привезти
С Сириуса, с Немана?
Мы миллионов не растим —
Нету нэпманов.
Мы — как вы:
И красотой,
И высоким ростом,
И возвышенной мечтой
В год девяностый!

Девяностый год настал...
Девяносто первый...
Закровянились уста,
Заходили нервы!
Улицу не перейти.
Помутился разум.
Оборвались все пути
Навсегда и разом!
Как небесный камнепад —
Раскатились страны...
«Боже, что они творят?» —
Закрестился странник.
О, наивная щетка —
Все творим, не взвеся.
Потащилась нищета
По городам и весям...
Рынок! Рынок! Рынок!
Вновь:
Вся Россия — рынок!
А за рынком — кровь да кровь,
Да тризна... без поминок.

1974, 1992

Сады

Я брожу по садам в раздумье.
Мозг, волнуясь, одно твердит:
как придумали люди разумно
край садами свой осветить.
Подымаю глаза и — слепну!
Но попробуй их отдели
от светящихся этих слепков,
от нежнейшего чувства земли.
Я беру эту нежность в ладони.
Пальцы жжет мне янтарь росы.
Вдруг напевно так бабка-садовник:
«Ой, смотри, не сгуби красы.
Как за внуочек за них дрожала,
чтоб невестами им расцвести;
и здоровила тут, и лежала,
сколько горечи было — Бог весть!»
А сама, платок подбирай,
смотрит в замершую пургу.
С ее щек я слезинки сбираю
еле слышным касанием губ
и шепчу: «Ничего. Успокойся.
Все сначала теперь. Ничего».
А ведь шли по садам покосы,
и бросали сады в огонь;
вымирали, как люди, от кори;
не забыть, как, валяясь в пыли,
даже срубленные под корень,
все светили они,
все цвели;
все оплакивали их пчелы,
собирая последний нектар...
И пустели,
чернели села,
пни торчали под стать крестам.
Ты в крови у меня, эпоха!
Я твой сеятель
и твой щит!

Что прекрасно — спасибо,
что плохо —
за укор с меня не взыщи.
За сады,
    за суды,
за казни
ты как сыну мне
дай ответ!..

А в саду хорошо — как праздник;
далъ заполнил воскресший цвет;
всюду пчел гомонящий рынок,
птичий свист, лепестковый плеск,
над воспрянувшим морем травинок —
облаков синеватый блеск;
облака опустились низко
и целуют старушьи следы..

Мир рукам твоим,
бабка Анисья,
за звенящие эти сады,
за плодов снеговые хрусты,
за рассветную свежесть во рту...
Неужели еще допустим:
так
    под корень чтоб
красоту?

1974

Сами

Огня пучина,
дымя и грохот
и сотрясение небес!
Не Бог затеял этот хохот,
и создал этот ад
не бес.

Мы — сами — умные убийцы
всего живого на земле;
запечатляются наши лица
на человеческой золе....
Когда-нибудь живые клетки,
над мертвой нивою паря,

угрюмо скажут:
«Наши предки
не знали в голове
царя».

1974

Женщине

Такая в мире ерунда:
на волоске все, на пределе!
А ты — беспечна и горда,
вся в красоте своей, как в деле.
Мир задыхается от мук...
А ты раскладываешь платья
и красишь глаза полукруг —
как будто нет важней заняться.
У мира зло, как желчь, в зрачках,
охвачен лик его чахоткой...
А ты... стуцишь на каблучках,
дразня его своей походкой.
Ты — словно света торжество
на гребнях волн стихии пенной!
Не тень богов, — но божество, —
единственная во вселенной.
Ты — как ликующая рать,
сумевшая сквозь фронт прорваться,
рожденная повелевать —
и неизбежно покоряться.
Тебе природою дано
на радость,
на беду,
на горе —
пьянить, как старое вино,
и очаровывать, как море!
И пенье поступи,
и стать,
и стана тонкого извины,
и рук движения — летать, —
и губ — две дольки спелой сливы, —
все одному подчинено:
завлечь,

околдовать,
опутать,
погибнуть — и воскреснуть вновь,
и вновь дурманом чар окутать!
Но — погибая и губя, —
ты так раскинула судьбою
что вознесла сама себя
до преклоненья пред собою!
Когда б не ты, о мой кумир,
заставивший страдать и плакать,
лететь,
срываться,
в бездну падать, —
что мне
блестящий этот мир?!

С тобою вровень стать хочу.
Хочу, но с грустью понимаю,
что это мне не по плечу,
и я — колени преклоняю.

1974

Бездна

В этой бездне,
в этой дыре,
в этом сумраке ночей
не прожить нам без скандалов,
без свечей и палачей!
Не прожить нам —
мы привыкли,
чтобы кто-нибудь светил,
не прожить нам —
мы привыкли,
чтобы кто-нибудь крутил;
не прожить нам —
мы привыкли,
чтобы кто-нибудь рубил!
Не прожить нам, хорошея,
при свободе и молве —
подставляем молча шеи,

чтоб не думать голове!
Подставляем шеи молча,
мол, согласные, — секи!
Заиграло око волчье,
оплыли слюной клыки!
Им бы надо, чтобы каждый
дважды к плахе подошел!
Не палач расправы жаждет —
жаждет, кто над палачом!
Нескончаемая драка.
Каждый метит, чтоб больней!
Всевселенская клоака
эр,
эпох,
веков и дней.
Галактическая свалка,
учрежденная извне!
Отбывают катафалки
с убиенными на ней.
Кто как может — так дерется!
Истязание — живьем!
Может, кто-то
ТАМ
смеется,
глядя,
как мы
ТУТ
живем?
Может, нас и сотворили
для доводки образца,
чтобы
ГДЕ-ТО
не травили,
не калечили сердца?
Чтоб
в просторах мирозданья,
за разливами огней
нам подобные
СОЗДАНЬЯ
были чище и нежней?

Сверху — бездна,
снизу — бездна,
мы — в объятиях ее.
Безнадежно,
бесполезно
наше славное
житъе!

1973

Ночью

Когда мне порою не спится,
когда я впотьмах, без огня,
какая-то яркая птица,
крича, навещает меня.
Сверкает ее оперенье,
как молнии в черной ночи;
глядит мне в глаза
и с волненьем
протяжно и длинно кричит.
Что хочет сказать она?
Молча
я всматриваюсь в нее:
или — заест меня порча,
или — вверх дном бытие?..
А мысли все гуще и гуще,
и краски — предельно черны!
И вот уже в птицу запущен
подсвечник с передней стены.
Умолк ее голос...
И болью
в душе замерла тишина...
И я вырываюсь на волю,
где звезды,
роса
и луна;
и — вдаль,
по дороге полынной, —
не шагом — бегу я уже!..
Но слышится крик ее длинный

и в небе,
и в смутной душе.

1973

Другу

Никак мне не дают к тебе пробиться.
Стучусь, стучусь — безмолвно, как в гробу.
Мелькают озабоченные лица,
все выше поднимая городьбу.
Они колокола переплавляют,
кресты сбивают,
в лик святых плюют;
они, глумясь,
как коршуны терзают
когтями плоть
и, радуясь, клюют.
Они, скуля,
как свора псов голодных,
вбежавших грязной тучей в белый день, —
беспамятных,
бездонных и бесплодных, —
спешат кропить и метить свой плетень;
и — память, память, —
чем от века живы! —
спешат разъять,
разжигжть,
оскопить!..
Что им до нас,
завистливым и лживым,
и что им стон наш,
если не болит?
Не жди, что посетит их озаренье
и что-то опрокинется внутри;
и не обидься за стихотворенье,
и слезы унижения утри.

1973

Кайсыну Кулиеву

Месяц тонок, как сабля,
звезд на небе резьба.
Мне кавказская сакля
как родная изба!
С голубого карниза
серп крестьянский глядит;
здесь порог затем низок,
чтобы легче входить!
Пол здесь глиною выбит,
чтоб прохлады — сполна,
чтоб приятнее выпить
золотого вина!
Чтобы жарче беседа —
выпил — снова налей!
Пьют сосед у соседа,
как из бочки своей.
Пью и я с вами.
Рад я,
что за этим столом
мы — как кровные братья
и как братья — во всем!
Мы давно ль побратались —
прежде — злые враги?
Как в апреле проталин —
редки были шаги.
А теперь — как в июле
ливни в этих краях, —
наши жили схлестнулись:
где твоя, где моя?
И не стоит ломать нам
над разгадкой мозгу:
мы вовек в неоплатном
перед Словом долгу!
Словно гор этих житель,
с них шагнувший в века,
был у вас представитель
моего языка.
Пуля пущена метко.

Сколько пуль вбито в нас!
От него ваших предков
знал я раньше, чем вас...
Но в ущельях Кавказа
до сих пор, как напасть, —
под папахами — разум!
Под рубахами — страсть!
Отзвенели копыта,
даль, как бубен, гудит....
Но — вино не допито,
есть отвага в груди.
Если снова придется
взять булатный клинок —
братство не оборвется
тому стих твой
залог!

1972

Дома

Присевший дом; зеленая калитка;
потертое железное кольцо...
Опять мое прибытие как пытка,
опять в слезах любимое лицо.
Ну что ты плачешь, мама?
Видишь — жив я,
и ты жива, и очень молода,
по-прежнему несказанно красива,
как будто дни прошли, а не года.
— Ты что, сынок? Какая молодая?
Уж ты почти что бел и так устал;
наверно, и не мыт, и голодаешь,
и что ты к краю энтому пристал?..
Течет беседа, больше — причитанья...
Уже за полночь, спать давно пора.
Смотрю в лицо и отмечую тайно:
как постарела, как она стара.
Лицо как поле испахали годы,
высокий лоб стал темен и покат;
на нем земли всей боли и невзгоды

как за семью печатями лежат.
Но ни в словах, ни в голосе нет жалоб;
прекрасен взгляд и веселы глаза.
Сейчас бы сорвалась и побежала б
туда, где хлещет струями гроза...
С души слезает толстая короста,
отходит сердце от земных забот.
Ах, мама, мама! Как с тобою просто,
как будто детство встретил у ворот.
Ах, мама, мама! Как с тобой легко все...
Запел петух, и где-то... далеко
сиянье дня грядущего лилось,
как из подойника парное молоко.

1972

Колодец

Брату Ивану

В краю,
где молодость моя
вбирала жизненные соки,
колодец с братом вырыл я
с водой холодной и глубокой.
И потянулся к нему,
кто пить хотел, и кто умыться,
и кто, взвалив судьбы суму,
перед дорогой освежиться;
и скот, и птицы тут нашли
источник жажды утоленья,
и даже дальние пришли
к воде живительной сelenья.
Все пили воду. А она,
струей кристальною играя,
волшебной силою полна,
текла, окрестность оживляя...
Уж сколько лет прошло... И вот
стою я снова у колодца:
струя по-прежнему течет,
и жизнь по-прежнему смеется!
И, посмотрев со стороны

на это чудное цветенье,
я был утешен. И стройны
от влаги жизненной, растенья
шумели пышною листвой;
и птицы с мига оперенья
свой голос вечный и живой
вплетали в дань благодаренья.

1972

Эхо выстрела с Черной речки

Эта Черная речка,
как черная трещина,
сквозь болящее сердце России прошла.
Как в избитой истории:
причиною — женщина,
только женщина эта
любила, как жгла!
Только женщина эта была исповедана
перед высшим судом — перед ним и собой.
И ею
любовь его
не была предана,
и вел его к речке не случай слепой.
Двое сошлись...
Две России:
та — светская,
и эта — без права и без языка.
На СОВЕСТЬ,
на РАЗУМ
озлобленность мерзкая
и подлая
правила выстрел
рука.
Счеты сводя,
деревянщина царская
вложила
в чужую ладонь пистолет.
Стреляет ПОЭТ...
И, как выстрелом,
харкает

кровавым плевком
на крахмальный манжет.
Стреляет ПОЭТ...
Огласила округа нам
эхом выстрела в будущие века:
что Россия жива,
ее честь не поругана!

Так было
и будет наверняка!
Да, Россия жива!
Эхо с Черной

в семнадцатом
раскатили по миру орудий стволы;
не поругана честь ее —
ликованье всех наций в том
сорок пятом
победном
над силами мглы!
Да! Россия жива!
Опершись на огонь ее,
Человек

притяжение Земли
перемог!...
Эхо выстрела с Черной
пепелящей агонией
входит в каждое сердце,
на каждый порог...
Ничего

в этом мире
не дается дешево.
Счета идут
на жизнь и на кровь...
А любовь... нескончаема,
никакою подошвою
не размять
нежно-хрупкий росточек—
ЛЮБОВЬ.

1972

Журавль

Жизнь как будто ушла,
будто отпуск взяла на полгода.
Опустела душа,
как осенней порою природа.

Нет ни птичьих интриг,
ни их яркого теплого пенья;
ветер сник и утих,
распустив отсыревшие перья.

Что же делать теперь?
Горевать или пить — нет резона.
Ливнями не залить
линию горизонта...

Сам себя я ловлю
на мысли, достойной печали.
поющему журавлю —
оба крыла обломали.

Он теперь не глядит
в золотое от солнца небо.
Ничего — впереди,
и все прошлое — небыль.

На ухабах дорог издерет,
искалечит он ноги.
Как он крылья берег! —
и такая жестокость в итоге.

Вырвал подлый язык
и проткнул свои чуткие уши, —
чтоб не вырвался крик
и чтоб время отлетов не слушать.

Он прошел через боль,
но казнил сам себя напрасно:
сердце, что знало любовь,

и видит, и слышит
прекрасно!

1971

В цепях

Я ушел от проклятой опеки.
Я ушел, почти все потеряв.
Взбунтовался во мне, человеке,
дух, что прежде считался не прав!
Взбунтовался он властно,
жестоко;
взбунтовался он против того,
что колючее что-то,
из стекол,
рвало цельную сущность его;
заусенцы, иголки, занозы
впились в сердце мое и зрачки:
чтоб не знал я
ни свежести розы,
ни пожатия братской руки;
чтоб я был, как булыжник дорожный:
бессловесен,
бесчувствен,
безмозгл;
чтоб любой,
даже самый ничтожный, —
оплевать и оплещь меня мог;
чтоб в потьмах корабельного трюма
рылся я, глух и слеп, как крот;
чтоб не мог
ни по-своему думать,
ни открыть без инструкции ро,
чтоб!..
Душа,
образуй себя к жизни,
не держи в себе мести и зла!
И — из мертвого дерева

брызнет
разогретая солнцем
смола.

1971

Незамутненность

Я смотрю на зардевшие дали,
где проклонулся слабый рассвет.
Ни отрады во мне,
ни печали —
будто не было прожитых лет.

Будто сам я, подобно рассвету,
только-только вхожу
в эту жизнь.
Ничего во мне грешного нету:
ни злодейств,
ни разврата,
ни лжи, —

ничего!
Я лицом вдохновенным
обращаюсь к созвездиям,
ввысь...
А за полы хватает мгновенно,
как стянящая женщина,
жизнь.

1970

Влюбленность

Ты молода!
Ты женственна!
Красива!..
В тебе есть ум,
Естественность,
Душа...
Пред зеркалом стоишь ты, горделива,
И снова повторяешь: «Хороша!».

И сходит на лицо успокоенье,
Что ровни в мире нет тебе земном!..
Ах, это злое самоупоенье,
Что дереву вовек не быть бревном!
Твои подруги незаметны вроде
И каждый твой обожествляют шаг....
Но все, что есть высокого в народе,
В себе несет их дивная душа.

1970

Вспомните

Людмила

Первого мая вспомните обо мне.
Вспомните обо мне и второго мая.
Как же можно ходить по весне,
Своих возлюбленных не вспоминая?
Как же можно! Ведь если душа
Наполнена страстью, как соками ветка,
Не вспомнить возлюбленных и не бежать
Навстречу им, прокляв тесную клетку!
Вспомните обо мне, когда гроза,
Когда цветы прозревают ломающиеся...
А я всегда помню ваши глаза —
Такие грустные и чуть-чуть улыбающиеся;
Я всегда помню ваше лицо —
Такое кроткое и ожидающее,
И золотое волос кольцо
То парящее, то порхающее...
Ничего мне не жалко за один только миг
Свидания с вами... Но — как? Возможно ли?
Какой-то холод в сердце проник,
И душу бури его растревожили.

1970

Карьер

Ночь — как деготь.
Ветра в разгоне.
Плотнее пурги дождевая муть...

И только
карьер,
как в смертельной агонии, —
поднял одеялом ночную тьму.
Здесь дьявольски весело!
В гуще ночи
карьер копошится,
огнями расчищен;
сквозь тину дремоты,
сквозь слякоть
рычит
огромным
барабающимся жучищем!
Машины — как желтоглазые бабочки, —
то кинутся в свет, то назад, жужжа;
желтыми розами свесились лампочки,
от «мазовской» поступи зябко дрожа.
На дне — экскаватор,
как грехов отпуститель:
подъемлет свой очистительный перст,
грожнет о кузов и — взмахом —
катитесь! —
и следующему кивком:
не робей!..
Ночи советуют.
Любо смотреть им.
Но — черных гонят белые дни.
Рваные тучи проносят ветры,
дожди размывают теплушек огни;
кажется, небо увязло в грязи!
«Мазы» ревут, огнями мигая...
А экскаватор грузил и грузил,
ковшом и пласти, и тьму раздвигая,
будто
из сердца земли
вынимал
осколки руды —
остробокие,
веские...
Лесным пожаром рассвет всплывал,

птахи вскрикали — его предвестники;
новая смена к машинам шла;
смех над ней языкато кострился...
и — тот же скрежет,
и — тот же лязг,
и — тот же ритм
по карьеру разлился.
В самом зародыше день оглох;
небо взмахами молний
грозилось;
от мощных бросков приседали «зилы»...
Упорство людей
упорство эпох
взламывало
и вывозило!

1969

Сpirаль

Кровью комет — чернила с пера.
Цежку сквозь ресницы ее золотинки.
Я — как помешанный — верю в спираль,
закрученную
шнурком на ботинке.
Прямая, как обухом по голове
р-раз! — и лежишь в попонке
А эта
    несет
то правей,
то левей —
лейкой вытянулись перепонки!
А эта несет —
только клочьями воздух,
как вата на выношенной телогрейке!
Где-то над нами — новые звезды,
где-то под нами — древние греки...
Сверкают миров золотые рои!
И я, словно капля,
в глаза им теку.
И — как портной рубаху кроит —

рядом кто-то собирает...
галактику.
Никто не оспорит моей быстроты,
никто не глянет глазами моими.
Какие-то звезды
разинули рты,
какое-то силятся вымолвить имя.
Кометы —
как девы на вечерах —
ведут вокруг солнца
свои хороводы...
Неси
по вселенной меня,
спираль!
Мир,
предъявляй мне
свои красоты!

1967

Бульвар молодежи в новосибирском Академгородке

Смотрю на разлив одежи —
глаза
от яркости щурятся!
Бульвар молодежи, Бульвар молодежи —
моя заветная улица.
Давно ли: тебя здесь не было.
Маячили краны, столбы...
Но мы не грезили небылью,
мы явно верили в быль!
До камушка мне знакома ты,
сам тебя строил и мы.
Каждый квадратик комнат
выласкан мной не взаймы —
а так: отдал и — навеки!
Входи,
вселяйся,
живи!

Родные мои люди,
ну как это без любви?
Ну как это — в половину?
Не знаю я, не могу.
Уж если гореть, то — лавиной,
уж если греметь — чтобы гул!
Бульвар молодежи,
Бульвар молодежи,
теперь ты — фонарно-лучист;
каждый твой житель надежен,
прям, откровенен, чист.
А если лучше всмотреться:
под праздничной блузой,
под робою —
бьется верное сердце,
гордое и неробкое.
В бетон и стекло ты оправлен —
не в крем и лак, что на сутки, —
и назван ты очень правильно
по духу,
по жизненной сути,
по имени нас,
что в семнадцать
тебя отгрохали:
стой!
И петь хорошо,
и — смеяться,
когда
такой молодой!

1966

К океану

Ты назван Великим и Тихим.
Великий обычно тих...
Тебе из деревни Крутихи
Я посвящаю стих.
Я теперь на Алтае
Дышу и грежу тобой,
А ты корабли болтаешь,
Доволен и горд собой.

То спину свою выгибаешь, как кот,
То на берег выползешь, ласковый,
А то громыхнешь, как железный аккорд,
Себя из рубахи вытаскивая.
В зеленых глазах твоих теплится страсть.
Когда же подступит желание —
В объятья полмира готовы упасть,
А то и все Мироздание!
Ни славить, ни хаять тебя не могу —
Ты выше и необъятнее!
Ты денно и нощно в моем мозгу —
И нет ничего мне приятнее.
Ты — сам по себе
И большая родня
Высоких божественных светов;
В твоей глубине скрыты башни огня,
Как в душах опальных поэтов.
Бывает, и голый,
В чем мать родила,
Забросивши руки за голову,
Лежишь — и плевать на любые дела —
Подобно библейскому олову.
Но в час, когда наползает гроза
И рушится жизни основа,
У тебя и у них
Есть, что миру сказать, —
Найдется нетленное Слово!

1966

Потери

Падают — один,
другой...
четвертый...
Грудь — навылет,
вены — поперек...
Ты стоишь...
какого смотришь черта?
Изживешь ли
горький свой порок?

О Россия!
В черной безнадежности
ты теряешь кровное,
свое.
Не хватает на поэтов нежности —
и идут они в небытие.

А потом,
как загнанная кляча,
над тебя кормившим мужиком,
ты стоишь
и безголосо плачешь,
разминая горе кулаком.

1966

Одиночество

И нет спасения во лжи.
И как полынь — вино победы.
И — нету родственной души,
кому бы боль свою поведать.

Еще завидна легкость ног,
и кровь моя еще не стынет, —
но как я в мире одинок:
куда ни оглянусь — пустыня!

Не только ночью —
среди дня
ни в ком не нахожу участья.
За что карает Бог меня?
За что лишил любви и счастья?

Благословенный отчий край,
как леденят твои объятья!
И Дантов ад — желанный рай
от этих смокингов и платьев!

1965

Бахчи

Волы тянут арбуз,
горбясь буграми песочными.
В арбе — в накат
на арбузе арбуз
лежат, крутобоки и сочны...
Подсолнух луны уже перезрел
и с краешка сыпаться начал.
Помню: росинки — с звезду — на заре,
и мы — в оброшенных бахчах.
Мы — на коленях,
притихли;
щелчком
бьем в бок, от сырости липкий.
Так, наверно, скрипач
смычком
пробует голос скрипки.
Вот он. Выбран.
Звонкий — как колокол!
Лезвие — шукой блещет.
От утренней свежести за воротом колко,
заря и красней,
и резче;
и — нож занесен,
как серпик, искрясь;
и — нету ножа половины!
И — лопнул арбуз,
пополам расколясь,
и хлынула кровь лавиной!
Дрожь пробегает от сердца до рук.
Стынет нога босая...
Я — ломти к губам
подношу, как зарю,
и — корки,
как луны, бросаю!
И мягко
по пальцам,
с пальцев в песок,
мальчишечью душу щемя,

сладкий,
живой,
благодатный сок
скатывается, дымаясь...
А в почве — токов густых ураган!
Прислушиваясь, припаду, —
как неистовая пурга, —
сила земли в бреду.
Корни и листья
солнце с землей
мешают, как хлебную квашню;
прохлада колодцев и солнечный зной
в арбузах
теснятся на пашне.
Колдует природа в свете зари
и, утомясь, под вечер
поставит на стол колдовство:
«Бери,
любимый мой Человече».

1965

Лирика

Когда молчит душа —
безмолвствует язык;
в крови, как в облаках,
ни шороха, ни всплеска.
Слова
на тинном дне,
как сонные язи, —
их не тревожит чувственности леска.
Блуждаю — неприкаян,
окаян;
стеклянно взгляд мой
безразличный стынет...
где ветер тот, что сдвинет океан,
и ливень где, что напоит пустыню?
Часы безмолвия — блаженная пора
желудку,
похоти,

рассудочности,
лени —
пока не встрепенет у левого ребра
созревшее в молчании волненье.
Движенем крыл оно возмутит глубь;
всплынут слова, наполненные смысла;
и вновь, вступая в точную игру,
я чувствую,
как надо мной нависла,
посверкивая острием, строка;
за ней — другая,
полыханье лезвий!
И правая
настороже рука —
накалывает строки на железо
и валит на бумагу их, как лес...
Но верю побежденных рождеству я,
как в цельность мира,
как в добро небес,
и над собой победу торжествую.

1965

Неизменность

Когда
маятник дней моих остановится,
когда гирька упрется в пол, —
пусть вам больше, чем мне, поздоровится.
А ты, моя милая, пой!

Пой
над белым лицом покойника
и над черной печалью пой;
зайчик солнечный с подоконника
горечь мига разделит с тобой.

В мире, в общем-то,
ничего не изменится:
день то снежится,
то печет...

Машет крыльями черная мельница.
Мельник дремлет.
Мука течет.

1964

К паровозам

Вслушиваюсь
в бег паровозов,
в стон стали,
в скрип шпал...
Чувствую: паровозы развозят
хлеб,
нефть,
шпат.
Чувствую: им — некогда!
Как пульс — на стыках колеса;
они —
как в путину неводы,
как в страду — косы.
О паровозы — огненные сердца,
с дыханием,
как извержение вулканов, —
ваши бока рябы от свинца,
шрамы сварок —
как старые раны...
Пока на ногах вы —
во весь опор
мчитесь
будто в боках стремена!
Скоро на отдых уйдете
в депо:
виденное вспоминать.
Стойте,
нюхайте май и сирень
в ожидании с далью свидания.
Только б не слышать рыданья сирен,
похожие
на людские рыдания.
Если ж

бросят вас
в страшный рейс,
сгрузив
в вагоны винтовки, —
тогда вы просто сойдите с рельс
и затушите топки.

1964

Обелиски

Низко.
Настолько низко —
Можно плечом достать:
Облаки над обелисками
Денно и нощно стоят.

Денно стоят и нощно...
От рани и допоздна
Всматриваются в них,
Точно
Силятся опознать.

Движением губ,
Без голоса,
Взглядом, как рана, сквозным
Просят их, гладят им волосы,
Каменным и немым;

Шепчут о чем-то в уши...
И я замираю, тих;
Это не облаки — души
Ищут хозяев своих.

1963

Ледоход

На Ине — ледоход!
Словно воск — рыхлый лед;
брюзгливый, желтый, в копоти,
как биндюжник пропитый!

Гладко,
бело было все,
все снежком притрущено,
только — тленье труб от сел, —
так зимой придушены!

Но — внутри
не гас

ритм;
еле слышный ропот
вызревал в звон зари,
в колокольный рокот!

Вода

не терпит
скованности —
в клочья льда рубаха!
Сколько в ней рискованности
и — нисколько страха!

Выходи,
не поленись

посмотреть на полыни;
на кипенье черной бездны,
на сверкание огня,
где бесследно гибнет бездарь,
в гениях

пробыв полдня!

Где,
вдавивши лапы веток

в ил,
лежат покинутые
льдины — как авторитеты,
навзничь опрокинутые!

И — державное презренье —
их обходят стороной!

Как жестокое презренье —
их дотачивает зной...

На реке все больше сини.

Целомудренна,
чиста,
очертаньем тонких линий
вглубь упала высота.

И — видать сквозь тины роздымь,
сквозь сплетение рясин:
как разгуливают звезды,
словно сизые язи.
Дышит,
булькает,
вздувается
вороненая вода;
а на гребнях льды ломаются,
исчезая без следа.
Слышится в напоре тока,
в треске,
в громе гомона,
что любой зимы
жестокость
так же
будет взломана!

1963

Ночью

Ночью
окна мои
распахнуты
продолжением глаз
в краски столетия...
Вы чувствовали,
как зори пахнут,
набухшие солнцем и грозами летними?
В дальних заводях
тихий туман
недоенным пахнет стадом;
и, словно ворочается океан,
шорох ветра по саду.
С полей накатывается волной
дыханье хлебов созревающих
душное;
и рассекается,
как саблей стальной,
звездой падучей

пространство воздушное.
Рот раскрыл изумленный росток,
выйдя к свету сквозь тьмы пещеры;
мир встречает его
росой,
исцелительно чистой и щедрой.
Как бокал — звенит тишина.
Лишь порой
в мелодию эту,
будто баса тугая струна,
прорывается гул ракеты;
и тогда,
как света струя,
сквозь густую сетчатку веток
проступает, тревогу тая,
напряженное око
века.

1963

Девочка на шаре (к картине Пикассо)

В ночи руками шарю,
смотрю — как наважденье —
девочка на шаре
маячит в отдаленье.
Разодраны колени;
исхлестанный, продутый
кричу: «В каком ты плене?
В раю или в аду ты?
Что пред тобою: пропасть,
оскаленная остро,
иль лживая Европа,
вся в корабельных рострах?
И — кто он — на граните,
в немом глыбастом блеске:
вселенский избавитель
или палач вселенский?»
Кричу — и нет ответа.
Лишь хрупкая фигурка

в неярком медном свете
на шаре пляшет гулко.
А шар — будто планета:
а шар — будто Земля,
страстями подогретый,
он мечется, юля;
куда б, как при пожаре,
не мчался наугад —
его опережает
девочки нога!
Сплошное зренье — весь я;
до клетки я — глаза.
Такое равновесье —
не детский азарт,
такое — не пустая
 страсть скоростей:
иль шар не отпускает,
чтоб не опустеть;
иль девочка не хочет
в обломках пропасть...
Я вижу здесь воочию
миров взаимосвязь!
Вижу — не капризной
девочки щалость:
шар
жив
ее жизнью,
она — жизнью шара!
В гамме этих красок,
как белку в лесу,
увидел жизнь Пикассо,
увидел ее суть.

1962

У печи

Цельным молоком пороша!
Набираю в горсти, пью.
Этот мир — такой хороший —
Ни за что не разлюблю.

Хоть укрыт я теплым пледом,
хоть и выюга на дворе —
пахнет он травой и летом,
пахнет мятой в январе.
Кругом солнечные спицы,
Тянет зной силки свои.
И не зимние синицы
Распевают — соловьи!
Зреют яблони и звезды!
И — насколько хватит глаз —
Нескончаемые версты
Щедро дарят хлебный пласт.
Мне ни мало и ни много —
подавай мне все, что есть.
За запахнутым порогом
ходит выюги злая месть;
косы белая поземка
раздирает о косяк
и хитрющими глазенками
смотрит в комнату косясь.
Но ко мне ль ей дотянуться,
если, славя глаз и слух,
петухи в печи дерутся,
осыпая алый пух;
если чурки из березы
после драки петухов
зацветают красной розой!
Если печь, как хор мехов!
Показать язык ей, что ли?
Пусть еще сильней ревет!..
Мир, знакомый мне до боли,
сердце радует и рвет.

1962

Знакомство

Я — перед вами. Вот он — я!
Старая песня: из бытия,
Летящий в незнамое, в небытие —
Природой запущенное копье.

Есть у меня две здоровых ноги,
Гулко вбивающие шаги
Зеленою планете в железистый бок:
Когда я иду — я сам себе бог!
Есть у меня две могучих руки.
Когда вокруг не видно ни зги:
Они поднимают костер в поднебесье —
И небо светлеет,
И в клочья тьма песья!
А как эти руки жаждут объятий?
Кого я приветствовал рукопожатьем —
Те помнят меня по хрусту костей
От хватки моих желанных кистей!
Два глаза моих — как два сокола в небе!
Куда б ни ушли вы и ни были где бы, —
Я вас распознаю, я вас рассмотрю
И если в слезах вы — я слезы утру.
Есть сердце во мне, — но какое оно!
Вы старое пробовали вино?
Вот так удивит оно и опьянит,
Хотя и невзрачное вроде на вид.
Но самое главное — мозг в голове,
Видящий мошку и в дальней траве,
И в той, что в зародах, и в этой — у ног, —
Такой в меня удивительный мозг!
И знаете: боязно мне с ним порой:
То он с беловерхой сольется горой
И с этих высот начинает судить —
И не осадить его, не остудить;
То бездной предстанет — жилищем гадюк,
И самый ничтожный порок — его друг;
Из подземелья, из мрака и бездн
Вещает он голосом бурь и бед:
«В условиях мир настолько погряз,
Что стал он не образ, а дикобраз!».
Я перед вами — всмотритесь в меня;
Зовите, когда не спастись от огня,
Когда обложили вас горами лжи,
Когда вы решаете: жить иль не жить...
Ноги мои меня к вам донесут,

Руки беду отведут и спасут,
Сердце мое вам песню споет:
Будьте здоровы все, кто живет!

1961

Апрель

Последний снег дотаивает с крыши.
Едва звенит ослабшая капель.
Добреющее солнышко
Все выше
Выкатывает молодой апрель.

Скворечник старый,
Как замшелый филин.
Нахохлился в обглоданных ветвях;
Проснется скоро царство хлорофилла
И примет в мир свой перелетных птиц.

Они расскажут нам о дальнем юге
На птичьем,
На певучем языке.
Но будет в песне слышен хохот выюги,
Которая еще невдалеке,

Которая и плачет, и смеется,
И прячет в белый завиток луну,
И, может быть, на день-другой
Вернется,
Холодным лицом к лужицам прильнув...

Но нет уже
Морозных искр в сини.
Набрякло небо теплой влагой бурь,
Идет апрель,
Карающий и сильный,
В короне солнца на высоком лбу!

1961

Чинара

Баллада

Грозой чинару сбило.
Черную, как смоль,
Едва рассвет забрезжил, —
Я приволок домой.
Нашел топор с пилою,
Оттер горячий лоб
И сел на ствол паленый
И — ощущил тепло.
И мысль моя неспешно
От этого тепла,
Уклон опровергая,
К истоку потекла.
«Жила ты и шумела,
Бросала тень кругом
И весело смеялась,
Когда горланил гром.
И, может, за веселость,
За светлые глаза
Тебя не возлюбила
Красавица-гроза;
Шатучая и злая,
За две, за три версты
Уже не выносила,
Кто перед ней не стыл», —
Так думал о ней я
Или о кровном дне...
Вдруг вижу: древний старец
Торопится ко мне.
Коры столетней кожа
Замшела и сиза,
И — словно две лучины —
Из-подо лба — глаза.
«Постой! Не порть товару!
И перестань тужить,
Придешь через неделю:
Чинара будет жить!»
Я сухо улыбнулся:

Ну, думаю, чудак!
А он стреляет глазом:
«Как раз под мой верстак.
Придешь через неделю», —
Мне снова говорит,
И, как во мраке факел,
Лицо его горит.
Втащили на телегу
Чинару кое-как.
«Придешь через неделю», —
Опять сказал чудак
И весело поехал...
А как-то, в круговорть,
Узнал меня и тихо:
«Пришли бы посмотреть,
Чинара ваша дышит!
Не верите? Да-да!»
Я шел и молча думал:
Ну не стариk — беда!
Заходим в мастерскую:
У стен скамеек ряд,
А посреди: о чудо! —
Молоденький солдат,
Веселый, с меня ростом,
Точь-в-точь — погибший брат;
И через грудь тяжелый
Свисает автомат;
Шинели серой скатка
На плечи улеглась...
«Домой тебе пора бы,
Как мать там заждалась».
О матери услышав,
Он сник и посмирнел,
И взгляд его веселый
Сурово погрустнел...
Вскрипнули половицы,
Качнулись фонари,
Неловко улыбаясь,
Он подошел к двери
И, отдав честь нам с дедом,

Лукаво подмигнул
И в дальнюю дорогу
Через порог шагнул.

1961

Перед цветением

Прибавилось в березах света.
Бездонней небо. Звонче луч.
И признаком, что ближе лето:
Болотистая влажность туч.
Смотрю на синие просторы,
На темный лес, на рыхлый снег
И слышу: с дальних косогоров
Доносится ручинный смех...
Колеса хлюпают по хляби,
В раздумье странном дерева,
И в подогретом чреве зяби
Уж к солнцу тянется трава:
Пусть не густа, пусть одинока,
Но рост пошел — и верю я:
Бочаги слеженного сока
В цветенье обратит земля...
С гнездом управившись заране,
В отдохновенье погрузясь,
Скворец едва зардевшей ранью
Налаживает с миром связь.
То щелкнет так, то свистнет этак,
То дробью брызнет — собери!
То неожиданным куплетом
Одарит тонкий слух зари...
Прекрасней лица у прохожих, —
Как будто свет наполнил их!
А день стоит такой погожий —
Как будто завтрашний жених!
Все оживает. Все в движенье.
Все ищет выхода любви.
И это тайное броженье
В моей означилось крови.

1961

Невозможность

Печально думать о былом;
грядущее еще печальней...
Кто осенил сей мир крылом,
кто смотрит в нас из дали дальней?
Воды шуршащие валы
непостижимы берегами;
что ждет нас там,
за гранью мглы,
и что останется за нами?
Я знать хочу, хочу понять,
мой дух не хочет примириться
с тем, что не может и присниться
то, что взирает на меня.
Я холодею, я дрожу,
я цепенею от незнанья
и, как на зов любви, спешу
на перекресток мирозданья.
Не знаю: буду ли счастлив там.
Но боль и скорбь того острее,
что не скажу оттуда вам,
что там цветет и что там зреет.

1960

В ночном

Ах, дядя Андрей,
дядя Андрей Логвинов,
вы помните те давние года?
Как тяжело,
как жарко было в логе нам, —
струилась меж лопatkами вода.
А ночь была черна, как из предместья!
Табун коней терялся каждый миг.
И жеребец гнедой по кличке Нестер
метался, словно тысяча больных!
Я и теперь, как бритву, его ржанье
все ощущаю содранным хребтом,
и волчьих глаз зеленое дрожанье,

и лязг клыков, и псиный запах ртов.
Откуда налетела эта стая,
как татарва поганая на Русь?!
И лошади ногами захлестали,
как будто смерч понесся по юру!
Мы зажигали факелы из пакли,
свистели, колотили в чугуны;
и по моим щекам катились капли,
от страха и от копоти черны!..
Уже лучи край неба облагали,
в просветах туч белея, как столбы;
и волки озираясь убегали,
а Нестер все взвивался на дыбы.
В овсах перепела кричали звонко.
А за кустами, в топкой борозде,
стояла мать над мертвым жеребенком
в рассвете, как от горя, поседев.
И — до сих пор,
когда я как спросонок
хватаю воздух пересохшим ртом,
мне видится тот рыжий жеребенок
с распоротым
дымящим животом.

1960

Леса

Н.К. Коптеву

Коль нет меня в народе,
И дома меня нет, —
Ищи меня в природе:
Она — мой амулет.

Порой бывает больно.
И, чтобы боль унять,
Позволишь себе вольность:
Уйдешь в леса гулять.

Идешь по бездорожью,
С сапог роса течет.

Над ячменем, над рожью
Грохочет самолет.

А в них лишь птички речи,
Лишь шум да шепот крон.
Леса надежно лечат
От суеты времен;

Надежно укрывают
От суетливых рук
И тайн не раскрывают,
Когда ты им не друг.

Березовое утро
Вобрал в себя рассвет.
От них исходит мудрость,
Как непреклонный свет.

Они собой являются
Степенность и уют
И душу очищают
От накипи твою.

1960

Горечь

В.К. Сапожникову

Осениюсь тремя перстами
Душу опаля:
Вся ты устлана костями,
Русская земля.

И — кругом — куда ни гляну:
Все кресты... кресты...
Как на скошенной поляне
Блеклые цветы.

На былых и свежих горках
Ржавые венки;

И под каждой, как ни горько, —
Соплеменники.

Тяжко сердцу, тяжко духу;
Синева дрожит.
С поднебесья, как по кругу,
Чудный звон бежит.

Он не гаснет,
Не исходит
В чуждыя края;
Он кругами ходит,
Ходит,
Как душа твоя.

Но теряется,
Но стынет
В толще городской.
В человеческой пустыне,
В глухоте людской.

1960

В селе

Смотрю вокруг и не могу узнатъ.
Мой край, моя земля —
да ты ли это?
Запущена, заплевана, грязна,
с костлявою козой у сельсовета;
с метровою крапивой у плетня,
что на боку лежит уже полвека
и век его, наверно, не поднять:
как жаль, что здесь не стало человека!
Как жаль, что рядом с древним стариком
сидит мордоворот, цедя табак сквозь зубы,
и непотребно костерит райком
за то, что к лету не поставил трубы.
Как жаль, как жаль...
Но жалость — пустота!
И думаю: да кто ж приложит руки?
Забвеньем веет с каждого куста,

репей, и тот засох от смертной скуки.
Земля моя, тебе ли не ожить,
когда птенцы с гнезда слететь готовы,
когда невесть откуда голос ржи
поднялся неожиданный и новый?
А запустенье, грязь и суэта
сойдут с тебя, как чуждая короста...
Ты — каждому священна и свята,
как Матерь Божия
и как молитва просто.

1960

Велосипедисты

Как демоны —
преследуют нас беды.
Нет ни лекарств от них, ни докторов.
Убиться можно и с велосипеда, —
но мальчики гоняют — будь здоров!
Но мальчики не думают о смерти;
отчаянные, отпустив рули, —
проносятся в сиреневом рассвете,
как будто их Всевышний окрылил.
Мелькают перекрестки, переулки;
и слышно вдоль Садового кольца,
как в небеса отрывисто и гулко
колотятся мальчишечьи сердца.
И что им остановки, светофоры,
и что свистки блюстителей дорог, —
их обуяла гибельная скорость,
великий зуд от головы до ног.
И как для них презрительна опасность!
Коленками, как острые углы,
дырявят воздух —
и в рассвет лобастый
врываются неистовы и злы.
Мелькают в лужах сломанные облики,
лучи колес и сонная листва,
и тень их, как привязанное облако,
за ними управляетсѧ едва.

1960

Не узнал

Прости меня за тягостный мотив
и за настрой души прости тосклиwyй.
Клубок дорог нелегких распустив, —
на жизнь смотрю уже несуетливо.
Но мир по-прежнему и древен, и хорош,
и с чем его сравнить, пока не мыслю.
На раннем поле вымытая рожь
все так же хороша под неба синей высью.
Все так же облака — соломой по жнивию —
плывут куда-то вдаль, не ведая причала.
Все та же боль в груди: как мало здесь живу;
все та же тоска: начать бы все сначала.
Иду поляною и вижу все кругом.
Ко мне навстречу, обросивши ноги,
идет мальчишка в майке, босиком,
репьи сбивая по бокам дороги.
Спешу к нему: «Послушай... погоди?..
Тут хутор был, теперь его не стало?»
А он сторонится и на меня глядит
глазами, как холодные кристаллы.
И горько мне, и больно: не узнал...
А я как будто с ним знаком был прежде.
«Ну, помнишь: звезды... волки... сеновал...
ночной табун?».
И не дышу в надежде,
и слова жду, мгновенья торопя;
а он молчит и взгляда не спускает...
А за спиной лошади хрюнят,
губами мягко за уши кусают...
Да. Не узнал...
Наверно, я не тот...
В ресницах слезы, как дождя соседство.
На горизонте кружит вертолет.
Другое время
и другое детство.

1960

Чей голос?

О, если б заглянуть за край!
Но и в пределах зренья
нас гложут с самого утра
заботы и сомненья.
А что за далью — не понять!
Слышны лишь гул да эхо.
О, как мне хочется познать
вселенский локон смеха;
взять на ладонь, прижать к груди
и, отстранившись на руку,
спросить,
что ждет нас впереди:
любовь,
блаженство,
мука?
Что там за гранью,
за грядой,
за полосой незнанья?
Чей голос, злой и молодой,
пророчит наказанье?
Чья, раскалившись добела,
речь
кипень волн рождает?
Кому звонят колокола?
Кого предупреждают?
В сплетенье огненных колец
чи испарятся трупы?
Он — что?
Судьба иль рок — конец?
Иль человечья глупость?
Ведь во вселенский завиток
космических ансамблей
Земли единственный цветок
вплетен живою каплей!
Что там за далью — не видать...
Слышны лишь гул да эхо...
На мир надвинулась беда
как черная прореха.

Оружие

Время медленно тянется,
как путь «из варяг в греки».
Живешь и не знаешь, вдруг станется:
на слово не хватит века;
вдруг сердце на полуслове
лопнет, — и рухнешь — скала!
И станут тебя по-совы'
мерить и оскалять;
будто дороги-ухабы —
станут тебя трясти:
он, мол, и жил похабно,
и сына не так растил...
И подобные сплетни
неудержимым потоком
заполосуют, как плети,
садя на теле потеки;
и в довершенье — зевотину
перекрывая ухмылкой, —
бросят: «Он даже Родину
любил, как дешевую милку!».
Тогда я встану из гроба
вот этим стихом,
строкой,
тугой, как железный обод,
схватчу я его рукой...
И снова — спокойный-спокойный
лягу бескровно-бел.
Но я еще не покойник,
мой очернитель,
робей!
Сердце — колчан со стрелами,
мысль моя — тетива,
остриями, как перлами,
отливают слова.
И если я все же рухну
и кану до срока в ночь, —
входите в стихи,
как в кухню, —

всегда там найдется
нож!

1960

Пробуждение

Весна

еще только в разгуле,
апрель еще колок и сух.
Ах, кто меня завтра разбудит,
что в мире услышит мой слух?
Еще пережили мы зиму.
Но как она трудно далась.
Еще одна сходна разимо
морщинка у глаз улеглась.
Ее я совсем не заметил...
Но как-то, особо высок,
о ней мне, прозрачен и светел,
напомнил «чужой» волосок.
В серебряном инее ветки,
надтреснутый звон за окном,
и, словно чугун на загнетке, —
у горла обугленный ком.
Нет выхода... Но из звездья,
из черной вселенской глухи
возникла нежданною вестью
пылинка небесной души;
она, как игла, проскользнула,
как отблеск живого огня,
и кровь моя вдруг всколыхнулась
и к жизни толкнула меня;
и вышел я, и о свободу
ладонью ударил взамах!
И было так много народа —
как тьмы в погребных закромах.
И с ними я шел и смеялся,
смеялся — не зная чему...
И праздник во мне разгорался —
как будто костер на холму!

1959

Ночью

Ночь, как шаль...
Темно и душно,
Что картошине в золе.
Небо вечно равнодушно
К человеку на земле.

Что ему,
Что мне не спится?
Что рубаха вся мокра?
Черно-бурые лисицы
Месяц вздумали украсть,

Темнодушными волнами
Набегают на него...
Словно я измят волами,
Словно вброшен я в огонь, —

Ни рукою, ни ногою
Не могу пошевелить...
Кто-то в хату
Кочергою
Вздумал двери отворить;

Двери скрипнули и — пусто!
Кочерга идет сама.
От ее в коленях хруста
В самый раз сойти с ума!

И — сошел бы!
Но могуче
Хлопнул крыльями петух;
Опорожненною тучей
Жар присел,
Прилег,
Притух...

Скоро день придет
Оттуда,
Где горланят петухи...

А покуда... а покуда
Я пишу свои стихи.

1959

К полдню

Голуби слетели с крыши.
За ними — дробью воробы.
Во двор какой-то мальчик вышел —
с хвоста собаки рвет репы.
Кот рыжий дремлет на пороге,
прикрыв разбойничьи зрачки.
В золе посереди дороги
кур стая плещется;
стручки
зеленого гороха,
как пескари в тазу с водой.
Вон девочка —
ну крохой-кроха —
несет корзину с лебедой;
ее зеленая корова
ждет лебеду, но не ревет,
она и молока парного,
пластмассовая, не дает.
Петух — бездельник знаменитый —
блестит, как золото в сору;
а голуби так деловито
расхаживают по двору,
как будто все они
полтинник
разыскивают.
Дрозд поет.
А день
                  как будто именинник —
весь солнечный
и весь цветет.

1959

После дождя

Что ж, опять я один;
и вечер
снова пасмурен и дождлив.
Тучи свесились кровлям на плечи,
сплошь округу водой залив.

Под водою блестит дорога.
Эти лужи, как чьи-то глаза,
ввысь уставились хмуро и строго,
и блестит в них зари полоса.

Я смотрю в них,
смотрю и вижу,
как, почти не оставив следа,
из воды на сутулую крышу
забралась, вся измокши, звезда.

Робким шагом прошла к антенне,
платье сбросила и — сушить,
и ресницы мои, как тени,
поспешили зрачки закрыть.

Я зажмурил глаза и еле
раскрываю век духоту, —
вижу: рядом еще присели
и промокшие косы плетут...

Ах вы, милые!
И не страшно
мне на черные лужи смотреть.
Небо звездами сплошь украшено,
а полям колоситься и зресть.

1959

Убранство

За белыми за облаками
звезда вечерняя видна.

В слова я мысли облекаю,
как в листья дерево весна.
Сама собою мысль, как ветка
безлистая, как дикий свист:
в ней слышны только визги ветра
и нету щебетанья птиц.
Она жива, но так неярка,
так неуклюжа и толста,
как деревенская кухарка
средь балерин в своих холстах!
И чтоб поднять ее над ними,
чтоб засветиться, засверкать,
словами точными одними
ее я должен облагать.
И мысль встает, в слова одета,
приобрела лицо и вес,
как белолобая комета
среди блистающих небес!

1959

О хлебе

Когда умру — не надо петь хвалебен,
не надо вздохов — я их не любил.
Устройте так, чтоб не вздыхать о хлебе,
чтоб хлеб для каждого, как воздух, был;
чтоб лежал он целыми пудами,
корочкой хрустящей маня:
люди не возьмут излишку сами,
люди знают — сколько им для дня.
Помнится сорок шестого осень...
Мама — пухлая — с грудной сестрой, —
выпекала хлебы нам из проса
с горькою дубовою корой.
Был отец угрюм и недоволен:
раненый, работал за двоих,
а наесться вдоволь был не волен —
оставлял для нас, детей своих.
Мы каким-то тридцать третьим чувством,
свойственным лишь детскому уму,
брали месиво, краснея густо,

и хранили к вечеру ему.
Так тянулось много дней холодных,
черных и скучных, как этот хлеб...
Пусть не будет на Земле голодных
и годов, как те, в нужде и мгле!
Пусть вовек не повторится это!
И на окрик, что широк и смел,
обернется добрая планета
булкой
веселующей,
словно смех!

1959

Сосед

Подошла заря — и отбежала,
и пропала в медленных полях
оттого, что проволокой ржавой
ты опутал ноги тополям!
Ах, сосед мой!
Как с тобою сладить,
как тебя, шального, убедить,
что прохожим и самой ограде —
как бельмо «колючки» ржавой нить.
День приходит радостный и юный,
и покуда солнце не зайдет,
он висит на ней, как пленник гуннов —
ждет заката, будто выкуп ждет!
Тянет лук зеленые ладони,
хочет солнце летнее поймать,
а ему ломают пальцы; стонет
от «колючки» ржавой! Не понять,
не понять соседу: плен — не радость;
он не видит, хоть рассудком здрав,
как малина рвется из ограды,
грудь и шею в клочья изодрав.
Дом стоит сурово и понуро,
зверем смотрит из густых колов;
и орут, как пойманные, куры,
о «колючку» пальцы исковор.

1959

Крапива

Вечерело...
Солнце торопливо
Покидало неба полосу...
Пятерню пожала мне крапива,
Повстречавшая меня в лесу.
О здоровье, как должно при встрече, —
Ласково спросила у меня
И печально глянула далече
На костер сгорающего дня.
На прощанье так она сказала:
— Занесет тебя поток людской
В золотой прибойочных вокзалов,
В гам и говор жизни городской,
В стоны металлических конструкций,
В шорох шестеренок и ремней,
В дебри политических инструкций,
В блеск и глянец угля и камней.
Непоколебима их основа!
Ты же помни, круг верша земной,
Чтоб тобою сказанное слово
Пахло лесом, ягодой и мной;
Чтобы хлеб — равно как слово «матерь» —
Не убыл в душевных погребах,
Чтоб плодов крутые ароматы
На рассветных таяли губах.
До росы вечерней ее слушал,
Не желая отрывать руки.
Будь, как ты сказала, только б случай
Не облил мне краской черной кисть.

1959

Смирение

Все уйдет.
Ничего не останется.
Обратится Вселенная в горсть.
Этот мир для живущих —
лишь станция
перед дальней дорогой: погост.

Опадают и звезды, и цветики,
и, лысея, громадятся лбы,
и хлеба золотистее светятся
перед скорой порой молотьбы;
и вода, что на днях будет скована,
так лучиста и так синя,
словно детской рукой измалевана
цветом неба весеннего дня.
А потом потеряется истина,
ощущение, музыка, цвет...
Страхом смертных дорога выстлана
перед вечным и тайным:
ТОТ СВЕТ.
Мы, как воды, течем,
удаляемся
в неоткрытый шестой океан...
Смерть...
А собственно, что мы ругаемся,
если знаем, как тает туман.

1959

Марал

Белки ворочая,
марал
поднял рога навстречу ветру;
он, приседая, замирал
между насунувшихся веток;
он был натянутей струны,
чему-то сладостному внемля,
и ноги, тонки и стройны,
казалось, врезывались в землю.
А рядом тихая паслась
его любимая подруга,
и над обоими неслась
весны развинченная выюга;
она дурачилась, шаля,
вдыхала страсть во все живое,
распластывала тополя
над обомлевшою травою;

швыряла волны на песок,
гнала гусей на норы лисьи,
фонтанами толкала сок
так, что надламывались листья;
она смешала все и вся!
И, как бы чувствуя лихое, —
марал могуче напрягся,
готовый к яростному бою.
Раздался сучьев дробный треск:
Как молния в крутом изломе,
неся рогов разящий блеск,
другой марал летел в истоме!
Качнулась тучка над леском,
как опрокинувшийся омут...
И самка с нежью и тоской
смотрела вслед тому —
другому.

1959

Лошадь

Лихие «волги» рассекают площадь.
Блестящ их лак, но в сути — пустота;
мне видится дымящаяся лошадь —
высокая, живая красота!
Рисует рысака воображенье:
он как огонь — и легок, и граваст!
Но нарастало века напряженье —
и брал металл над лошадями власть.
Он выступал и тайно, и открыто —
холодный, обольстительный, тупой, —
и лошадей игриво-зnamенитых
на дальний план отталкивал собой...
Теперь по горло сыты мы железом,
как в прошлом были сыты мы конем;
мы убедились, как металл полезен, —
но нет живинки,
нет кровинки в нем!
Я не за лошадь —
пусть уйдет навеки,

в ракетный век от клячи — скукота.
А я за то: жила чтоб в человеке
высокая живая красота;
чтоб не был он ни молчалив, ни робок,
чтобы не стал в затылке он чесать,
когда железный,
грубый,
глупый робот
начнет его из жизни вытеснять.

1959

Палач

У каждого начала есть начало,
как есть конец у каждого луча;
какая-то мелодия звучала,
чтоб выплеснуть на люди палача.
Палач, возможно, палачом и не был,
но то начало, коим он рожден
на этой на земле, под этим небом,
его своим назначило вождем;
влило в него все отголоски ада,
всю бездну скверны, ненависти, зла,
и, чтоб излить их как добро и радость,
вселило щедрость и топор дала.
И он пошел провидцем и пророком;
светил топор кроваво и остро;
добро и правду он считал пороком,
любовь и нежность запирал в острог;
топтал,
колол,
 крушил,
крошил и резал,
стирал границы, села, города, —
и уставало от резни железо,
и закипала от беды вода;
а ритм все рос и нес его все выше,
и вот, когда он в Солнце замахнул,
оборвалась струна, и он, спалившись,
щепоткой пепла в травах утонул.

Травинки остирем тот прах проткнули
и, благодарность Солнцу вознося,
в слепых корнях мелодия проснулась,
и новый ритм над миром занялся.

1959

Обычай

Обычай предков здравствует поныне!
Когда катились волны желтых орд,
Бояре, подавив свою гордыню,
Без шапок выходили на народ.
Князьям лихим оракулы вещали
Побед и славы.
Но, вступая в бой, —
Князья к дружинам верным обращалис:
С покорной, непокрытой головой.
Когда крестьянин крепостной умёрши
Лежал в гробу, —
Хозяин, лют и строг,
Голову лохматую, как леший,
В дверь вталкивал, не проходя порог.
И в той,
    тяжелой,
Пасмурной године,
Судьбу России на себя приняв,
Перед московским ополченьем Минин
Седых волос шеломом не примял.
И те, кого в цари короновали,
И те, что из сермяжных и простых,
Когда им подносили караваи —
Они без шапок принимали их.
И я в январской поседелой стуже,
Как ни был бы неукротим и горд,
Снимаю шапку, как перед святыней,
Являясь
Пред лицо твое,
Народ.

1959

Норильск

Южнее остался Полярный круг.
Теперь что ни шаг — риск.
Здравствуй, северный металлург,
здравствуй, Норильск.
Я к тебе из южных широт
приехал, но не гостить.
Я — видишь — в плечах широк,
значит — рабочей кости.
К тебе только так:
ужаленный с нар
вскочил —
и в день с головой!
Здесь лежала снегов целина,
хозяйничал бури вой;
кургузых бараков продрогший строй
в плену полярной зимы...
Теперь — величественно и острó
город шагнул из тьмы!
Высятся здания из бетона.
Площади — как в озерах вода.
Бешеный ветер
с плачем и стоном
путается в проводах.
Фабричные трубы в тучи лезут.
Выпукло виснут самолетов шасси.
О город из цемента и железа,
взваливший на плечи небесную синь, —
ты не дремлешь ночами белыми:
в бледном блеске зари
режут глаза
помидорами спелыми
уличные фонари!
Домны — сердцем
в твоей груди.
Дыши — чтоб согрелся Север!
Полярным сиянием ночь глядит,
снежинки с ресниц
рассеивая.

1959

В комнате

Я лежу с глазами открытыми,
я лежу с мечтами разбитыми,
я лежу ни здоров, ни болен,
до конца собой не доволен;
я лежу — глаза в потолок,
как он гладок и чист, потолок,
провод, лампочка, как поплавок,
не в реку — в пустоту поплавок.
За окном густая тайга,
за окном большие снега,
за окном пургой перевит
день, как атомный инвалид;
снегири — словно в шубах купцы...
Мысль прервав, заходят жильцы —
моих верных товарища три;
по сосульке из каждой ноздри,
по сугробу на сапогах,
по ледышке на зяблых руках.
Выругу сбросив, садятся к столу,
дефицитный достали лук,
хлеб, консервы, пачку сырка
и бутылку злого «сучка», —
и ни слова, ни взгляда ко мне;
я, в постели окаменев,
будто навек лишившийся зрения,
ждал ухода их, как исцеленья;
как я низок был, как был жалок,
лучше б стал я жертвой кинжала,
лучше был бы убит на бойне,
чем молчанием их обойден, —
и впервые за много лет
понял: истина в общем столе,
понял: истина в общем глотке,
в общей ноше и в общем броске.
Я встаю и иду тотчас,
где товарищи на постах;
вслед блеснула, по стенам сочась,
электрическая пустота.

Перед собранием

Завтра я не приду на свидание.
Завтра у нас цеховое собрание.
Пусть для одной балет облаков,
пусть для одной загадка заката;
вечер дышит, как конь, глубоко,
тучки — пеной на сини покатой.
Закат все беспомощней в небо стучит.
Завтра в прокуренное серой бытовке
мы подведет трудовые итоги,
а нынче — каждый с собой помолчи.
Я — мастер. Я веки сощурю чуть-чуть
и вижу в дымке синевато-зыбком:
монтажники
    тесно,
плечо к плечу,
рассядутся,
тихой светясь улыбкой.
Пред ними ораторы будут стоять.
И я — исполнитель государственных планов —
до кончиков пальцев ощущаю, что я
в каждом звене их ведущий и главный.
Завтра взойдет на трибуну прораб,
и я ему крикну: «Давай твои цифры!»
В глазах его мутно топочет проран,
 волосы свили февральские вихри;
какую он выпестовал страну
с дружками, чьи головы в утреннем инее.
За облаком юность его. Не вернуть.
Зато города ее знают по имени.
«Спасибо! Спасибо тебе, прораб!
За тысячи крыш большое спасибо!»
Закат на мгновение тучи прорвал
и бронзой, как звоном, травы осыпал;
лиловой полудой облил Енисей,
снежность барабашек выгравив четко...
а цифры плывут по бытовке
в росе,
в горячих ветрах,
в девчоночных челках...

В окнах, как вспышки, тени стрижей.
Внемлем прорабу, влитые в стулья;
цифры плывут громадьем этажей,
голосом ясель, росчерком улиц;
на крышах устало лежат грома,
в сухой белизне мостов устои, —
цифры учат нас понимать,
что мы собственно значим и стоим.
И та бытовка — четыре стены,
пятнадцать насквозь продымялённых квадратов,
как будто пошла по течению Луны,
как будто парит широко и крылато,
и — вот она, вот она, вот высота!
Упрого прямеет усталое тело.
Настройплощадке людей суeta:
знают дело и делают дело!

1959

Двария

От жары,
от тяжелых пластов
люди мокры,
как устои мостов;
руки — веревками,
ноги дрожат —
каждый из них
докручен,
дожат...
Звезды высыпались и пропали.
Люди не выспались,
люди не спали:
в 20.40 пришел прораб
и глыбой бухнул:
«Прорван проран!».
Будто вихрем сорвало с мест
от борщей,
от стихов,
от невест...
Третья сутки в воде ножевой
все,

кто капельку хоть живой,
кто усилием плеч крутых
камень мог столкнуть с высоты.
От жары,
от тяжелых пластов
люди устали,
как устои мостов...
Схватка выстояна —
хоть вид коряв;
цветами выстелена
для них кровать!
Все попадали — будто шпалы
и не слышат — хоть пушка лай! —
как колеса эпохи шпарят
по натруженным их телам.

1959

Прораб

В зеленую выигу уехать пора б!
«Послушайте,
товарищ прораб,
график на отпуск вам я несу...»
Не воздух — мед
в июльском лесу!
Зрелостью сосны дурманят, паля.
Смолистая цветь по реке,
на полях;
легкие пьют этот синий сироп...
«Товарищ прораб,
вот листок, вот перо».
Листок повторяет нервную дрожь.
Прораб достает перочинный нож.
Медлит прораб;
очинил карандаш
и — глуховато:
«Иди сюда».
Зрачки блеснули в белесых кустах.
«Чернильница, видишь, суха и пуста;
воздух, как мед, говоришь, как сок,
а у меня на зубах — песок!

И я задыхаюсь в этой жаре
и брежу, как в оспе, о лучшей поре;
и я на море катнул бы,
на юг —
часок хоть побыть в батумском раю...
Но кто же,
кто же останется здесь
слушать бульдозеров дикую песнь,
прогорклый,
газолистый воздух глотать
с цементом,
с известкой —
как пеноплита!
Зайдешь после смены за сладким листком». «
Прораб усмехнулся колючим лицом,
юркнул в машину —
и на объект! —
про отдых,
про отпуск забыв,
про обед...
Обдав меня пылью,
как дымом пожарищ,
в котором диск солнца
расплавлен и жалящ!..
Я горечь обиды в душе перемог,
и снова, как ветер, взлетел мастерок,
и угол растет, раздвигая пространство,
и дом отплывает в экзотику странствий;
и поздно,
при звездах,
как с корабля, —
в объятья меня принимает земля.

1959

В обеденный перерыв

Время — обед.
Жара ко сну клонит.
замерли краны, громоздко-тихи.
Стою,
раскачиваясь на пилоне, —

читаю бригаде свои стихи!
Вокруг —
белозубых улыбок солнечность;
вплотную — прибой придиличных глаз;
парни
чувствуют
слова сочность,
пряча хитринку
озорную, как язь!
О, как это трудно быть поэтом
у тех,
кто сам с высотою знаком,
кто в обнимку с зеленым ветром
ходит
у чавкающих облаков!
Читаю и вижу — теплеют лица;
глаза не тлеют уже — горят;
и сам я
весь начинаю светиться,
отлично сработать для них горя.
Вникают и те,
что проходят мимо, —
голову кверху —
словно на флаг;
и жаркий полдень, мною громимый, —
всю
над бригадой
утратил власть!
Мир
надвигается
гулок и красен;
солнце
прижалось щекой у ворот.
Люблю
сочетание
ярких красок —
густых как смолы,
невпроворот.
Но более люба мне
нетараторая —
живая,

сдержанная,
вспыхивающая —
эта
искренняя аудитория
слово,
как дар, принимающая.
Вижу:

на лицах
свечение радуг,
пробившихся из глуби души...
Поэзия
так
подымает бригаду,
как бригада домов этажи!

1959

Каменщик

Чуть утро
откроет
Глаз голубой,
И ночь, зевнув, растает —
Новый день упорной борьбой
Историей в жизнь врастает.
И в этой гуще, овеянной ветрами,
Зримой фигурой знаменщика
Встает над землей многими метрами
Труд каменщика!
Что ни кирпич — выше и выше.
Кружи,
Орлиная высота!
Под самые тучи ростом вышел
И, будто бы километров со ста, —
Смотрит вниз.
Губы в улыбке,
В глазах — восхищенья огонь, —
Недосягаемый,
Гибкий, гордый
От деланья своего!
А внизу работают сотни:

Обжигают кирпич, мешают раствор...
По вздутым плечам, как по сходне,
Несет он
Усилие сотен
в простор!

Поэт
Стройкой вторгается в жизнь.
(Завидно стихами листья!)

А ты
себя
Воплотил в этажи,
В которых живые лица.
День отгрохал. Звезды зажечь

спешит
Упрямый вечер-бакенщик.
В лучах отпылавшего солнца стоит
Разогнувшийся каменщик.

1959

Стихи о почерке

И все же оно пришло —
новорожденное утро!
Солнца

шальной эшелон
в глаза мои врезался круто;
звонкие

переливчатые
скворцы за окном;
скорей
сердца наши

взрывчатые
в день обмакнем;
в треск бокастых почек,
в сварок едучий дым,
в этом мире

наш почерк
очень необходим!
Наш почерк — борозд росчерк
на желтом бархате поля;

наш почерк — в плодовых рощах,
кланяющихся в пояс,
в льющихся брызгах зерен,
в зеленых ладонях ясения,
наш почерк — в новых озерах,
в которых грядущее явственней.
Наш почерк очень массивен:
расписывается рука
громадами жилмассивов,
опорами,
порюющими облака;
нефти черными смерчами,
бурлящими в горлах труб;
огненной лавою,
змейчиво
текущей из доменских губ;
горбами плотов на реках,
тугими телами плотин,
наш почерк
в поступи века
на Млечном пути;
в мысли,
как нож, проткнувшейся,
туда,
где очи слепы,
наш почерк
в мире
проклонувшемся,
как цыпленок из скорлупы.

1959

Раздумье на эстакаде

Баллада

Эпоха — время. Время — река.
Стою, бунтуя и грезя.
Лапой стальной
из веков далека
Тянется мысль, ожелезясь.
Вот пирамидка. Чертежик прост.

Пятнадцать метров прогон...
В эту штуковину
во весь рост
Укладывался фараон...
Ученые мерли;
Мерли цари,
Эпохи целые мерли...
Но мысль
Продолжала
Века сверлить —
И в небо
Конструкции перли!
Капитализм
Одуряющее рос.
Смешались доллар и рвение.
Его вдохновение — Бруклинский мост:
Размах,
Широта,
Парение!
Он и большее б мог создать.
Не мне по пути с ним плавать.
Но ум есть ум,
И уму воздать
готов я
И честь, и славу...
И вот — свершилось небывалое,
Величайшее,
Будоражущее душу и тело!
Старый мир задумался глубочайше:
Что ему делать?
Думал, гадал...
А сделаешь что?
Новое крепло, глыбилось,
Тысячами сверхмощных винтов
В глазастое небо дыбилось.
Взлетели!
Не надо ни слов, ни похвал,
Удивленье смахните с век.
Там, где раньше дух порхал, —
Ныне парит человек!

Я горд, что древность
Раскрыл нам лотос.
Но более горд,
    что отсюда,
С Земли,
От пирамидок до звездолетов
Ширится наша мысль.
Горд, что, бурля, как эта вода,
Играя турбинами тонными,
Мысль пронизывает года,
Ныряя в глубины бездонные.
В сторону
    фантазии
И прочие бреды —
Место реальности грубоватой!
Достижимой
    становится
Туманность Андромеды, —
Недостижимая когда-то.
Я
    в этой жизни
Не знаю покоя.
И — вопреки монашескому обычаю —
Снимаю шляпу
и кланяюсь в пояс
Эстакад
Немому
    величию!

1959

Зерна

Не гладью
Выструганной, озерной,
Не зарей, разлитой в полнеба, —
Я восхищаюсь вами,
Зерна, —
Основа основ печеного хлеба!
Когда вы звените, собравшись в колос,
Когда, осыпаясь, шуршите грустно, —

Я слышу
Солнца
Льющийся голос,
Я чувствую
Сока земного
Грузность.
Промытые июльскими гулкими ливнями,
Просушенные августовским ветерком,
Лежите в ладонях,
Глазастей, чем гривны, —
И с вами радостно и легко;
И даль озаренней,
И небо выше,
И взгляд уверенней и смелей;
Улыбками
Каждый проулок
Вышит,
Так в урожай весело на селе!
Но, видя, как радость
Сменяют заботы,
Я заключаю, с крестьянами побыв:
Зерна — застывшие капли пота,
За год
    пролитого
Хлеборобом.

1959

Крестьянину

Твои глаза
    не потеряли
ни одного рассвета;
твои руки
    не обошли
ни одного зерна;
хлещут
всех времен тебя ветры,
как плеть скакуна!
Мотают нервы твои
дождишки:

Задерживаются — начальство!
Тебя не хватает,
хоть бегаешь без отдыши.
хоть рвешься на части.
Тебя не хватает для дома,
для детей,
для жены;
поле в тебе — как ты в поле.
Скулы зноем обожжены,
глаза — сомненья и боли.
Борозда —
как строка летописца
справедлива — не осудить!
История мира
тобою пишется:
буквы — пуды!
Подобьем солнца
нам на столы
ложатся румяные караваи.
Свято
правда твоя
стоит —
как бы ее ни гнули,
ни рвали,
как бы ни мяли ее,
скрутыв,
как бы ни жали,
она подымается из рутин
золотым урожаем!
И ты в ней —
выше премьеров,
министров;
грешный —
чище газетных святош;
лживый — ты честен,
как честен выстрел,
как на обидчика
поднятый нож!
Ты — Бог!
Но — что у тебя осталось,

что — кроме двух кулаков
на столе?!

Просвечивает
сквозь жилы
усталость
крови,
текущей
тысячи лет.

1959

Изначальное

Под синим сводом все чудесно...
Закат вечерний и восход,
и эта тоненькая песня,
что зяблик сам себе поет;
и эти яростные грозы,
что для острастки держит Бог,
и эти белые березы —
как чистоты земной залог;
и росы, вызревшие густо,
и боль надломленной души,
и эти белые до хруста
снега в актюбинской глухи.
Но время таяния приходит —
и там, где глушь и пустота,
тетерев выводок свой водит,
огнем бровей светя в кустах,
и в гуще крохотных сосенок,
такой же маленький почти,
бредет за матерью лосенок,
едва умеющий брести.
Под синим сводом все чудесно...
Ручей вечерний кони пьют;
табунщик напевает песню,
и я тихонько с ним пою;
пою, как звездами усыпан
над головой все тот же свод,
как месяц по траве рассыпан,
как речку он проходит вброд,

как дремлют росные покосы
до первых звонов косаря;
как, прикурив от папиросы,
в полнеба пламенем заря!
И как, все звуки пересилив,
еще задолго до утра
расходятся по всей России
рокочущие трактора.
От звезд луне на небе тесно —
толкает локтем их она;
под синим сводом все чудесно,
как ни печальны времена.

1959

Зов

Вечерняя пахучая полынь.
Свернулась ночь котенком на пороге.
Осела сырость в пыльную теплынь
Накатанной телегами дороги.
Звенит овсов высокая вода,
Как ручеек у самого истока;
А в небо
Кто-то бросил невода,
Набив звездами,
Тянет их к востоку.
Ступаю, как по пуху, по пыль:
Прохлада и тепло стопу щекочут;
И слышится, как в призрачной дали
Утробно кони ржут
И зло сычи хохочут.
Я рвусь туда.
Я удлиняю шаг,
Презрев оврагов и болот стенанья;
Как в эту даль летит моя душа,
Гонимая тех лет воспоминаньем,
Когда, присев у дремного костра,
Внимая с дрожью шороху и звуку, —
Мы ждали наступления утра,

Как смертник ждет
Спасительную руку.
И наступил спасительный тот миг,
Отбросив за кордон ночные страхи...
Иду один...
Как будто тот же мир,
Так же беспечны и певучи птахи, —
Но уж никто костров в ночи не жжет,
Тьма — как граница —
Никуда не деться.
И только белый конь оттуда ржет;
Как бы зовет.
Опять вернуться в детство.

1959

Полнолуние

И снова вечер...
И туманом...
С глухих низин поволокло;
И раскололось над курганом
Зари зернистое стекло.
И разлетелись брызги стекол:
Одни упали на траву,
Другие — по небу,
Высоко
Зажглись, как светляки во рву.

Умолкли все дневные звуки.
Как глаз — в заливе лунный лик.
И берег, заломивши руки,
Ко млеющей реке приник.

Он день изнемогал от страсти,
Он рвал запретов провода.
И тихо хлюпает от счастья
Опустошенная вода.

Мечты... желанья... Все далече.
Вся в сонной нежности земля.

И словно волосы на плечи,
Лучи упали на поля.

1959

Вечерний закат

Вечерний закат,
Последнее облачко тает
В багряных лучах,
Как дымок над забытым костром.
Бестело мелькают стрижи —
Как будто дух Божий витает,
Творенья свои
Осеняя бесшумным крылом.
Сиреневой музыкой
Полнятся степи и долы;
Уставшие шорохи
Головы клонят на грудь;
Мерцающей пылью
Забиты дорог коридоры,
Где ветер полдневный
Вступал сам с собою в игру.
Появится скоро луна —
Круглей колеса телеги,
И красную, словно из горна,
Выкатили ее.
Голубь беспарный,
Нахохлясь, задумался о ночлеге,
В душе проклиная холостячество свое.
Все тише и тише,
Кричавшие в полдень приметы,
Все явственней неба
Величественные черты;
Все приземленней, загадочней,
Непостижимей приметы,
Упавшие в чары дремоты
От дневной суэты.

1959

Осень

Сгорела осень. Сникли краски.
Земля разъята и пуста.
Нет ни глазам, ни сердцу ласки,
Как от могильного креста.
Ничто не остановит слуха,
Ничто души не оживит.
Однообразно все и глухо,
И бездыханно все лежит.
И нескончаемые дали,
Когда-то яркие, теперь
Дырою черной зазияли,
Как пустота в ночную дверь.

1959

К звезде

Опять ты взошла,
как слеза ожидаемая.
И я, не оправившийся от мук, —
сквозь расстоянье, глазами съедаемое,
касаюсь твоих невидимых рук.
Губами ресницы сушу твои влажные,
дыханием бледность стоняю со щек...
Слышишь, звезда,
самое важное
я тебе не сказал еще.
И — что это?
Буря ресниц ли коснулась,
любовь ли согрела ее моя, —
она ожила вдруг,
она проснулась,
полные солнца и сини края —
глаза подняла!
Но устало и грустно,
как бы боясь расплескать этот свет, —
она
головою
под волосом грузным
тихонько и молча качнула:

нет...
И — вмиг:
ни солнца,
ни дня,
ни лазури,
как пращур — иду я на бурю,
по буре...
И нет мне пристанища в этом мире,
поскольку нет в нем
моей милой.

1959

Здесь!

Только
Дневное светило погаснет,
И тени сплошным покрываем лягут —
Поэты седдают своих Пегасов
И прут галопом по звездному шляху!
Однажды подмыло меня вдохновенье
Бросить Землю и взмыть в небеса;
И я, покорный его веленью,
На легких крыльях в зазвездье взвился.
Светя

своим
Человеческим лицом,
Я плыл средь комет,
Средь планет,
Среди звезд...
Наверно, величественным и великим
Казался им мой загадочный рост.
Они тянулись ко мне, ласкаясь,
Улыбчиво звали: на чай заходи.
Я восторгался,
Что щедрость людская
Живет у этих гигантов в груди.
Но страшно их любви притяжение:
Зашел и прилип, как пылинка к щеке...
Гудя высоким своим напряженьем,
Проходит Земля от меня вдалеке.

На желтом, на синем —
Крови подтеки;
На свежих могилах белеют кресты;
И — словно громаднейшие нарывы
По городам полицейских посты.
Краснею
в этой
Засолнечной выси,
Что с ними схож по внешнему облику...
Рули высоты до отказа занизив,
К земному снижаюсь облаку.
Тянет Земля. Скользжу по орбите я,
Себя кляня за оплошность.
Я должен быть здесь,
Где жизнь разбитая,
Где гневом и топотом дышит площадь,
Где пушки —
Лаем собачьим давятыся,
Где слово — хлеба нужнее,
Где песня моя полезнее здравницы
Для воина и для жнеи.
Треножу Пегаса: иди и пасись.
А сам, возведя курки,
Землей опьяненный, приветствую синь,
Держащую звезд угольки.

1958

Счастье

Я грежу садами плодовыми,
Где яблоки, будто ядра;
Я грежу хлебами подовыми,
Которые пахнут яро;
Гулкими спелыми росами,
Рассыпанными, как желуди,
Бездонными грежу грозами,
Захлестывающими полдень;
Парными мягкими пахотами,
На солнце блестящими сочно,
Сердцами
грежу

Распахнутыми,
Раскрытыми — борозды точно!
Доверчиво в них окунаясь
И чувствую — в глубине
Широта океанья
Проплескивается ко мне.
Пульс гудит учащенно.
Лица — круглая радость.
Грежу ^{стремлением}
отягощенным
Цветом
Июньских радуг!
Ракета — молнией мимо,
Аж звездная твердь дрожит.
Грежу я
этим миром,
Где высшее счастье —
Жить!

1958

По сердцу

Не за авансы и не за плату
Над строкою корплю, как колдун...
Этого времени ритмом захвачен,
С этой эпохой сердце в ладу.
Этих дней громовые раскаты
Влились в меня отголосками всеми;
Эти дороги
Не белой скатертью
В сердце вошли —
Остротою расселин!
И — как мелка
Копеечья немощь
Перед грядущего дня громадой!
Пишу потому, что сковала немость,
Пишу потому, что прорвалась радость.

1958

Гонка

Гоню коней — и все по бездорожью;
рваньем миткальным — клочья пены с них;
их крупы тонкою трепещут дрожью
и в диком плясе карих глаз огни.
Устали кони. Выхода не вижу.
Доехать надо! Надо дотянуть!
Ругаюсь я, как сотня пьяных выжиг,
как соловей-разбойник — свищет кнут!
Нет жалости во мне и нет прощенья.
Я отматаю слабость и недуг...
И вот огонь... ночлег... и угощенье...
И — человек. Но друг он иль не друг?
Какое благо — крыша над плечами,
и чай, и мера сладкого овса!
Но сдвинулись деревья палачами
и дышат, наклонившись, в волоса.
Я слышу шепот их и тайный шорох,
и даже звяк о что-то топора...
И каждая во мне трепещет пора:
«Здесь не друзья. Пора нам в путь. Пора!».«
Я содрогаюсь и встаю. И дальше
гоню по бездорожью вороных...
И даже звезды мне, и месяц даже
грозятся, будто я украл у них
какую-то струну. И без которой
они уже ни звезды, ни луна...
О! Дайте, дайте, дайте мне простора,
не загубите стойлом скакуна!
Я мчусь вперед на вороных и чалых.
Я мчусь туда, где тлеют облака...
Не знает ни признанья, ни причала
стиха звонкоголосая строка.

1958

Боль

Зеленым ветром отуманен,
росой жемчужной окроплен,

лежал в траве я,
но не ранен;
лежал не ранен,
но влюблен.

Ничто во мне не трепетало,
хоть кровь до капли вся цела.
Душа подняться не пытаясь,
хоть час назад всего
цвела.

В траве вдоль туловища руки,
как два пробитые крыла
валялись;
солнце, краски, звуки
померкли;
степь вся умерла.

Лежал я, никому не нужен.
Ни зверю,
даже ни змее...
А женщина, наверно, ужин
уже готовила семье.

Я думал,
если мог я думать
под холодающую кровь;
как тяжело и как угрюмо,
когда отвергнута любовь.

1958

Причастие

Обнажились деревья до прутика,
черным пухом лежит земля,
тучки серые толпами путников
пригорюнились в дальних полях.

Все сейчас безрассудно голо,
как на грани полена огонь;

как сокрытая суть глагола
и смертельное действие его.

О земля!
Я припал к твоим венам,
я почувствовал боль твою,
дрожь;
в эту пору ты так откровенна,
что любое цветение —
ложь!

Земли русские,
земли искренние,
не берите меня в себя,
если с вами я буду неискренен,
если что-то солгу
любя.

1958

Вечернее

Вечер малиновый.
Зори — крови след.
Я еще не вылинял,
но душою — сед!
Звезды, вылейтесь
светлостью в меня.
Пулю на вылете
хочется обнять...
Я себя насилию,
ветreno жива.
Где моя милая?
Может — не жива?
Может — и мне за ней
в черную толщь земли?
Я уже зарезанней
тех, что умерли!
Небо вечернее
лунность пьет.
Что-то расчерненное

на меня идет.
Я назад не брошусь,
не пойду назад —
звездная пороша
есть еще в глазах!

1959

Гуси

Малиново гудут колокола,
Серебряно позванивают гусли.
С дозорной вышки слышит верхолаз,
как на лету постанывают гуси.
Торопятся усталые крыла,
срезая синь нахлынувшего неба.
Дорога из-за Дона тяжела:
поля пусты — ни зернышка, ни хлеба.
Ко Новгороду тянется весна,
сбивая люд в отхожие артели.
За зиму поубавилась казна,
чуланы и сусеки опустели.
Из кузниц льется наковален звон:
куют мечи и сошники на сохи...
А гуси рассекают горизонт
и пропадают в жестяной осоке:
на северные отмели крыла
гусей уносят от беды вчерашней.
С весною Русь берется за дела:
князья — за войны,
батраки — за пашни.

1960

Поход

Был не от меда хмелен грозный князь
и не от ласок милой Ярославны,
а от мечты, что, в сердце зародясь,
переросла в желанье,
в жажду славы.
Он уходил в леса и ликовал;
он не делился даже с той мечтою,
кого на ложе брачном целовал

и перед чьей клонился красотою.
Он видел Дон,
золототканый юг,
седой Азов с сырой Тмутараканью
и грузную персидскую ладью,
как в радуги,
оправленную в ткани.
И — жар востока,
глубь донских степей
застлала слава,
став перед очами.
И князь
вставал с постели,
как с камней,
и бредил малярийными ночами.
Он крепко думал,
волос рвал,
кряхтел,
сердито брови к переносью сдвинул
и — то,
чего вчера едва хотел, —
к тому полки свои сегодня двинул!

1960

Предтеча

Померкло Солнце,
только оторвавшись
от утренней заспавшейся Земли, —
и встрепенулись, словно испугавшись,
ветра — и тучи пыли понесли.
И всполошились коршуны и совы,
и волки взвыли в ярах и логах,
горланил Див в урочищах еловых,
и закипели воды на ветрах;
русалки плакали и хохотали;
и в небе возносился такой гул,
что звезды — как падучие метались, —
и звери в поле гибли на бегу.
Казалось,
встала

нечисть преисподней
дорогу русским перегородить;
и ни вчера, ни завтра,
а сегодня
пытается их страхом напоить, —
и молниями дико полыхала,
боязнь вливая в их умы и грудь...
Но войско

ниже

сдвинуло забрала
и сквозь ветра,
сквозь тьму,
сквозь пней завалы
спокойно к Дону продолжало путь.

1960

Дон

Дон блестит, как лезвие ножа,
в бархатное логово оправлен;
за зеленым строем камыша
чуточку зарею окровавлен.
Боевой шелом снимает князь
и к воде студеной припадает,
и волос измято-липких вязь
на чело клоками ниспадает.
Он напился, бороду отер
и взгляделся в глубину,
невесел.

Желтый полумесяц, как топор,
острие свое над ним навесил.
Покоробил стан его озnob,
по плечам прошла смятенья выюга,
и короткий, торопливый зной
накалил червленую кольчуту.
Знаменьем господним осенясь,
князь отходит от воды,
встревожен...

Сонные синели ясеня,
небосвод был звездами обложен;
Дон горел;

слегка дымилась даль;
лозняки стояли, как в алмазах;
гуще все кровянилась вода —
будто кистью кто-то ее мазал;
созревала рыхлая заря;
месяц растворялся в росной рани;
солнце приближалось,
день творя, —
ближе днем еще
к Тмутаракани.

1960

Конь Всеволода

Могуч и борз у Всеволода конь!
Тугие мышцы кованы из меди.
Мятущиеся молнии подков
ни разу враг из сечи не заметил!
Носил он только в гущу седока,
где, раздвигая смерти покрывало, —
булатом отягченная рука
земле родимой славы добывала,
где звон доспехов и кровавый чад,
где клочья пены, словно клочья стружки,
где груди грудь
и где плечо плеча
касались,
как на дружеской пирушке...
А конь бы вынес...
Да не мог седок
казать врагу затылок и подковы.
А половецкий —
в полуруки — клинок
был всажен под лопатку,
как под корень.
Какая кровь плеснулась на траву!
Земля свернулась от ее ожога!
И половцы
на снятую главу,
оторопев,
смотрели, как на Бога!..

А конь,
почувяв легкость, убежал!
Напрасно слуги ханские ловили.
От топота копыт закат дрожал,
и тьму
подковы ясные
сверлили!

1960

Меч Всеволода

Был меч как меч: булатен и тяжел!
Но — от своих собратов
тем отличен,
что он вовек не знал
слепых ножён —
и всем в глаза
являл свое обличье!
В безделии угрюмо он сверкал.
Но —
только наступало брани время, —
однажды опускаясь,
рассекал
и круп коня,
и седока — по стремя!
Давно истлела мощная рука.
Теперь народ иной,
страна другая...
А меч,
ушедший в землю навека,
еще доселе
половцев путает!

1960

Сеча

Слезится солнце кровянисто-черным
оплывшим глазом в желтое жнивье.
Как синь воды
осмоленные челны —
застало небо злое воронье.

Дымится поле, как сплошная рана.
И здесь, и там —
насколько хватит глаз —
лежат тела и головы,
так рано
навеки
друг от друга отделясь.
Ах, Игорь, Игорь!..
Ты за славой вывел
свои полки в чужую сторону.
Дружинам
очи
вечер смерти выел —
и к очагам их больше не вернуть.
Скорбь
сошла
на злое поле сечи...
И до сих пор,
лицо в ладони взяв, —
она стоит,
и вздрагивают плечи
от горечи,
что выплакать нельзя.

1960

Плач Ярославны

Чуть заря, ночную тьму осиля,
высветлит надбровье неба в синь,
голос Ярославны из Путивля
по ковыльной катится Руси.
Катится за Дон,
за Днепр,
к Дунаю...
И прощенье в голосе, и стон:
«Где ты, мой любимый,
я не знаю;
кто-нибудь, поведайте,
где он?
Ветер, брат мой!
С поднебесной крыши,

с синя моря ты свеваешь тьму, —
укажи мне путь,
которым ближе
доспешить мне к ладе моему.
Не корю тебя за злые стрелы,
что навел ты на его полки;
обернусь зигзицею я белой —
полечу, коснусь его руки...
Днепр Словутич!
Ты раздвинул горы,
Ты челны носил до Кобяка —
расплещи мою печаль и горе:
дай увидеть моего дружка;
наберу в Каял-реке водицы;
смою кровь и очи окроплю;
а на грудь — щепоть родной землицы
положу и раны заживлю...
Солнце светлоокое!
Не ты ли,
озиная мира уголки,
ведаешь, где головы сложили
Игоревы храбрые полки?
И не ты ли
зноем их сморило
в ковылях безводных половчан?
Стрелы и мечи их
разострило,
иссушило луки и колчан.
Господи!..
Не ведаю пути я,
где мой муж
свой смертный час найдет...
Плач
плывет
от древнего Путивля,
до сих пор — прислушайтесь —
плывет.

1984

Ольга

Слезы Ярославны были кратки:
князь вернулся жив и невредим!
Плачет Ольга — горькая солдатка, —
плачут и теперь — лишь приглядись.
Всеволод — любимый ее сокол —
был растерзан черным вороньем...
Одиноко в гриднице высокой
холдеет сердце у нее.

День она
и на вечернем часе
из калиток — руки на груди, —
в черную одежду облачаясь,
в сторону походную глядит.
И, когда слезят глаза от боли
и стоять уж нету сил у ног, —
Глебовна уходит в чисто поле:
может, след найти поможет Бог?
Ясный месяц, словно сын, за нею
наблюдает, сдерживая зов...
Но к утру — лишь росы солонее,
да еще печальней долгий взор.
Вновь под вечер
в строгой той одежде,
с тяжкими руками на груди,
только еще с большею надеждой
Ольга в ту же сторону
глядит.

1960

Степь

Брожу один среди цветов и трав.
Ловлю пшеницы золотистый колос...
И — слышу:
«Всеволод! Я был не прав!» —
какой-то скорбный и молящий голос.
Смотрю окрест:
ни тени, ни души...
Подневный зной янтарен и недвижим...

И — откровенно —
в горле аж першит:
«Ты — прав! Ты — прав!» —
Другой я голос слышу.
И — «прав», «не прав» —
как колокольный гул
над нивами плескается лилово.
Как тяжко быть у времени в долгу —
что прах и пепел — обретают слово!
О воины! О русичи мои!
Вам сердце отвечает:
«Правы! Правы!»
Хотя б за то,
что Родина стоит,
хотя б за то,
что мну я эти травы!
В зеленых стеблях полно тишины.
Набухли почки новыми словами.
Ветрами новых битв обожжены,
живем —
непокоренные славяне!

1960

IV. Очертания души

Поэма

— Здравствуй!
 Здравствуй! —
 кричу я тебе с крыльца.
 Колется ветер
 о мои обнаженные ребра.
 Из-за деревьев
 твоего я не вижу лица, —
 но слышу твой голос
 молодой и добрый.
 И сам ты — подобен
 вечернему соловью,
 и розы молча
 губы свои тебе доверяют...
 А где-то метели
 декабрю
 косы белые выют,
 височки
 в колечки серебряные
 завивают.
 Эта выюга
 коснется еще и наших голов;
 и они, как цветы,
 опадут,
 не дозревши до семени.
 Под желтение ржи,
 под свадьбы перепелов
 захлопнутся веки,
 набухшие соками времени.
 И —
 что зрело
 в громадно раскрытых глазах,
 что в сердце вынашивалось
 и готовилось к жизни, —
 опрокинется,
 превратится в прах,

и кровь по траве
последнюю песню вызванит.
Декабрю еще быть.
А сегодня, — слыши? —
Сегодня горласты мы,
как грозами август.
По небу,
по яблоням,
по листьям ветлы
чувствуется осенняя загусть.
Небу
приспело время
звезды рожать:
час-другой —
и оно им сплошь наполнится.
Настало время и нам
миру что-нибудь дать,
чтоб надолго ему
запомниться.

II

Что-то тухнет в глазах,
что-то глохнет в ушах;
раскололась земля,
как арбуз переспелый.
Как кленовый листок —
опала душа,
на ветру покачалась
и косо присела.
Присела на кочку,
на белый мох;
обирает, как птаха,
намокшие перышки...
А рядом
снуют
миллионы ног —
пересохло от пыли
души этой горлышко.
Крикнуть хочет она,
а голоса — нет:

всю измяли ее,
истоптали,
изрезали...
Что ж вы, люди?
Или это во сне?
Или —
вы никогда не бываете
трезвыми?
Если сон, —
отчего же мне больно так?
Если явь —
неужели все вы ослепли?
Вот красивая женщина,
а жалится так,
словно шпильки ее —
не шпильки — слепни!
Вот мужчина.
Хорош он,
прекрасен, как Бог;
по ночам к нему звезды слетают
на шею, —
наступил и стоит, —
или он оглох:
я ж под ним шевелюсь,
я ж толкаюсь,
немею!
Кто сукном, кто шелками
проходит шурша;
и — из тысяч
никто не прошел,
чтоб не вмять меня.
Люди!
Люди!
А у вас есть душа —
или только
душевная вмятина?!
Остолбели...
таращат друг в друга глаза...
злостью изуродовали красивые лица.
— Кто это мог!

Кто посмел!
Кто сказал?
Нас оскорбляют!..
Где ты, милиция?!

Гул стоял до самых небес,
напором расталкивал тучи туси.
И — над каждым орущим
подхохатывал бес:
— Люди!

А у вас есть души?! —

Из лиц и одежд
огромный ком
лазал,
ползал,
крутился,
вертелся!

Он не считал себя дураком —
он сам
дурака
схватить надеялся!

Душа испугалась,
забыла про боль,
собрав остаток последних силенок,
по проводам телеграфных столбов
ушла туда,
где пасся теленок.

III

Отдышалась,
погладить его подошла.
Он к ней повернул
свою рябую мордочку.
В глубоком кармане приманка нашлась:
подала ему черствую хлебную корочку.
Теперь до искавших ее — верста.
На размышленья наводит природа...
Встрепенулась она:
— Как же так, как же так,
как же я испугалась этих уродов?
Солнце уходит в подземные терема.

Вечер вслед ему
кровавой грозится палицей.
Как же так!
Разве может ночь
обломать
лучей светозарные пальцы?!
Суть живого всего спрятана в борозде.
Чем-то мир удивит зерно проросшее?
Люди,
попробуйте
себя разглядеть:
разве у вас
ничего нет — хорошего?
Следы остаются,
когда оспа уходит с лица;
от горя —
в серебре молодые волосы;
есть клетки грудные;
в клетках — сердца.
Как же,
сердца,
вы живете без голоса?
Язык ли
деревянен
от паралича проклятого?
От страха ль
окаменели,
как стены ущелий,
губы?
Или
кто-то
слова попроглатывал
и выбросил в небо их,
как дымы — трубы?
Или ритмы великих песен
порешили с собой,
как обманутые, в проруби?
Иль в душах ваших
засела плесень,
как в заброшенном хозяином
погребе?

Кто ответит?
Кто мученьям моим положит конец?
Ведь сколько живу я —
я ни дня не была успокоенной!
Когда б на Сатурне —
три миллиарда колец, —
я б их вам раздала, —
но отпал бы ли вечный вопрос —
вот штуковина!
Вот штуковина:
жизнь
ни минуты
не походит на себя;
просмотри все мгновения —
не найти, чтоб похожи.
Тысячи тысяч прорастают семян,
которые одинаковы только по коже.
А то, что под кожею,
что внутри,
взрывается вдруг —
и требует с собою считаться!
А рядом — такой же — соседа подталкивает:
— Смотри, —
еще не обсохла,
а уже выпендривается, —
ца-ца! —
Которого подтолкнули — начинает кипеть:
— Ах, ты раз-этак!
Мать твоя, с чертом спавшая! —
А по-хорошему:
им бы запеть,
поднять над собой и нести
упавшего!
Но — то, что внутри, —
не желает этого.
— Наступлю,
раздавлю,
наплюю на тебя! —
И снова
душе
приходится сетовать,

и осуждая их, и любя.
И снова приходится ей руки ломать
и лицо разбивать об асфальт —
так старая
над дочерью
убивается мать,
когда за нею пришли
от смерти сваты.
Какими красивыми нынче удались луга.
А цветов —
словно пеной вскипело вечернее море!..
Этот, рябоголовенький,
ни в жизнь не сможет согреть,
потому и не знает,
что значит на свете
горе.

IV

Толпа растеклась,
как по трещинам лужа, —
по квартирам,
по комнатам,
по домам.
Кто кино посмотреть,
кто торопится ужинать...
и вдруг тишину полоснуло:
— Не да-ам!
Не да-ам, развратница!
Сéмью разбила!
Пойду заявлю на работе,
в местком! —
Перед домом
на площади
женщина выла.
Жалел, усмехался и ругал ее
дом.
Зло и надменно горели окна.
Сквозь занавески сочился гнев.
Она же
от слез, как от ливня,

промокла, —
а голова и сердце — в огне.
Часть души оторвать —
это вам не шутка.
Легче выжечь на бедрах тавро.
Обозлившись, кричала она:
— Проститутка!
Проститутка!
О Боже, за что такой рок!
Чем я немилость твою заслужила?
Уж сразу убил бы —
зачем пытать?
— Милая, а ты,
ты его любила?
Розой могла для него расцветать?
— Любила?..
Любила, как все.
А тебе что?
Заступниц не надо мне.
Уходи.
Когда в девицах ходила я,
нешто
он не спал на моей груди?
Расцветать для него —
не много ли чести?
Варила, стирала,
что надо еще?!

Что я,
вечная, что ли, невеста?
А загс, по-твоему,
не в зчет?
Он расписался — и пусть по закону
живет со мной —
хороша или нет! —

Душа напряглась до предела,
до звона:
— При чем тут закон, —
любви если нет?
— Ты что?
Ты той стервы, наверно, подруга?

Душа отвернулась и молча пошла.
Как лезвие
резала уши ругань,
отвратительна и пошлá.
Шла — не видя,
скулясь и горбясь;
горбила боль, что огромней горы.
Во рту пересохло, как в химической колбе,
таяли силы, как соки коры, —
когда ни капли дождинки — по месяцу,
и воздух
  éдок,
как извести пыль,
когда деревья хотели б повеситься,
и травы хотели б уйти из степíй.
Голова — каруселью.
Состояние — обморочное.
Ноги — как два непослушных быка.
Сердце
окутало
месиво облачное.
Сладко в горле.
Колет в боках.
Кто-то
живую
тянул ее к гробу.
Дух, исходя,
словно иней шуршал.
На перекрестке вырос автобус,
ударив в две фары,
как в два ножа.
Не разбирая, где вход,
где выход, —
шагнула в скрип,
что исторгнула дверь...
— Женщина. Пала так.
Где же выход?
Лицо и душа —
разве сути в них две?
Как же засохнуть ране сердечной?

Сожги меня в пепел,
в пыль разотри, —
стою — и буду стоять на том
вечно:
лицо — да это ж
душа изнутри!
Вода племена за собою водит,
целует живые комочки утят.
А ветер так океан выводит
из себя —
перья с утесов летят!
Дни есть хорошие,
есть — плохие.
Есть армий паденье,
есть взлеты полка...
Ведь человек —
это та же стихия, —
то спящий,
то действующий вулкан!
Бывает же, когда он озорится,
когда он высечен,
когда солнцелик,
когда вдохновением —
сор с лица сносится,
как лодка
кипящим приливом
с мели;
когда он, оболганный,
не крикнет:
— Ни черта не я! —
Взять ложь на себя
поимеет отвагу, —
тогда проступают
души очертания,
как чернильные пятна
сквозь промокательную бумагу.
Те, что судили его, —
не могут опомниться,
округлили глаза,
превратив их в тарелки, —

наблюдают —
как тело
душою полнится,
как в сабли
выблескиваются
брючные стрелки;
как сердце,
ни разу не хлопнув веками, —
воткнуло в них испепеляющий взор,
как над их головами,
словно над ветками,
собрался огонь
всех
до нынешней
зорь.
Пятятся назад,
оглядываются на двери,
загораживаются стульями,
как щитом...
— Как же вы смеете
плевать на доверие,
вы, —
от рождения
одаренные нищетой?
Слышите — нищетой!
Нищетою духа!
Думаете:
сила в патроне с порохом?
Жизнь — это девочка на перине из пуха,
семнадцатилетняя, —
булочка с творогом!? —
Что в том,
что обставились бочками рома вы;
что наели тела
тропическими деликатесами;
что ваши отрыжки
мощнее, чем громовы
рыканья
над бенгальскими плесами;
что ж, что лицо

человечье вроде,
что руки, глаза
и ноги только две?
Что ж, возразишь разве бабке-природе:
по ее — человек вы,
а в общем-то — зверь.
Знаете: хищник.
Царь хищников — лев.
Но если он сыт —
хоть на хвост наступай ему.
А вы — оглядитесь:
что у вас на столе, —
так что ж еще вашему
не хватает уму?!

Я думала:
вы извелись по любови;
думала: в вас живет красота...
А вы одного только жаждете:
крови,
жаждете резать,
дырявить,
топтать!
Ужель человечье в вас все померкло?
Ужели к солнцу
я вас не взовью?
Как жаль, что, простоявая у зеркал, —
вы только и видите
внешность свою...
Голубыми ладонями
хлещет землю рассвет по щекам;
открывает глаза она,
улыбаясь губами полными.
— Послужу вам еще,
побуду у вас в денщиках,
попробую выкупать вас
любви океаными волнами.

V

Любовь!..
От тебя ли, медовой и полынной,
устану я?

От тебя ли
помыслю
на крохотный миг хоть
сбежать?
Как детеныш к сосцу, —
прирос к твоей сути
устами я —
и пью... и пью...
и ты меня пьешь,
и не терпишь ни с кем
дележа.
Любовь!..
Перед тобою я,
как на допризывной комиссии;
ничем не прикрыт, —
словно ясень среди декабря.
Любовь...
если и есть на земле твоя миссия, —
то это миссия нежности,
совести и добра;
то это миссия —
возвращать невидящим зрение,
открывать
захлопнувшиеся от Божьего мира
сердца,
разжигать, как каленые угли,
презрение
к беглым глазам притаившегося истца;
пепелить поднимающиеся змеиные головы
довольства,
чванства,
пошлости,
лжи;
жечь раскаленною лавою олова
глотки хулителей Пьех и Брижит.
Любовь!..
Как стремятся опошлить тебя в кроватях,
где ржавые панцири
изрыгивают режущий скрип.
Ты — незапятнанная, —

высветиши плешь этой рати,
как лампа
зеленого омута муть
изнутри.
Солнце от удара ножа не сдвинется.
Оклеванная молнями, —
земля продолжает жить...»

Душа подошла к Центральной гостинице —
к звездам
ступенятся
яркие этажи!
Разбегаются кверху,
влево,
вправо
желтые окна невиданной яркости;
рыжий неон в золотой оправе
ослеп
от своей невозможной ярости!
Зашла в вестибюль.
Золотым веером — ливрея швейцара!
В черном зеркале туфель —
фигур разностоящие конуса
и еще:
ослепительным светом мерцала
люстра,
как луна в небесах!
Душа, сощурив глаза, наклонилась
и — точно:
луна!
Хотела потрогать ее —
ведь впервые ж!..
А ноги швейцара что-то сделали срочно —
и она раскололась
(видно, брал чаевые).
И в этот момент,
когда туфли выплясывали, —
в зал прошла она
незамеченной,
где в объятья мужчин

себя ловко вбрасывали
то сверху, то снизу
оголенные женщины.
Здесь, внутри,
как в кратере готового извергаться вулкана,
где раскаленная лава
кипит, как пенный прибой, —
ресторан!
В стулья втиснуты кланы,
питье и еду прикрывая собой!
Салфетки — белизны ослепительной —
за воротником у каждого;
матовые приборы поблескивают услужливо;
бокалы и рюмки переполнены чем-то
наподобие H_2O ;
трясутся желе бесстыдно и стужливо.
Губы лоснятся от еды
бесконечно неубываемой;
лоснятся глаза от вина и подступающей похоти;
падают минуты, секунды, часы,
наповал убиваемые
в барабанном и глоточном грохоте!
И —
когда уже до икоты испито и съедено,
когда уже тошнота
подступает к переполненной глотке, —
кто-то,
развеселившись,
встает из-за столика среднего,
выходит на середину и требует:
— Водки!
Водки!
И зеленые бумажки с могучим \$
разлетаются под ноги,
попугаями выпорхнувши...
И... тут же — официант возник как бес, —
переломившись в поясе и локти вывернувши, —
поднес разнос, на котором «Смирнофф»
и рюмка... фужер ли — не понять уже,
и — десятки пьяных глаз и голов

тупо застыли в немыслимом вираже,
ожиная: а что будет дальше?
Что этот яйцеголовый решил отколоть?
А он размеренно,
со смаком,
без фальши
рюмки, фужеры, бутылки колоть
пошел! —
топча и круша их ногами,
плясал на них, как черт на костре!
И — зал, как Содом, содрагаемый богами,
бился, кружился, вертелся, острел —
весь в лихорадке,
весь — в круговорти,
ерзал и задницей, и животом!
И — был не один уже черт,
а — черти!
Кто Прахом,
кто Бахом,
кто Котом!
Вихреобразность!
Столпотворенье!
И — выбивающий стекла — визг!..

Как неуместно здесь стихотворенье,
как несуразен здесь: поиск любви.
Казалось, —
железная кровля уронена
под ноги, где бился
бедлам этот весь!
Господи!
А эта, как Татьяна Доронина, —
зачем здесь?
Женственная,
божественная,
нежная,
ласковая, —
как ты здесь оказалась, скажи?
Одна — одним лишь присутствием
стаскивала

раздевшиеся ко сну этажи.
Одна — обольстительно стуча каблуками,
проходила, светом нездешним светя...

Зал

впивался в нее
зрачками,
зал
держал ее
в хищных когтях! —
распалившийся,
желающий,
стонущий;
пыхтящая масса,
сплошное бельмо, —
зал — как корабль, —
не плывущий — тонущий:
снизу — золото,
сверху — дермо! —
в наготе своей превосходящее
горы голых от нищенства тел...
Душа, содрогаясь, посмотрела скорбяще
и скрылась под лестницей, в темноте.
И — там,
как собака, от побоев повизгивая,
неприкаянная,
лбом упираясь в бетон,
нутром своим,
чувством,
всей сутью подыскивала
название увиденному...
«Армагеддон».

VI

Армагеддон...
И — тысячи солнц
вспыхнули в голове ее,
превратив все в сияние!
Армагеддон...
Грязно-ржавый кессон...
Съелись светом все расстояния...

Скопище людей!..
Не тех, что уютно едят и пьют,
что вычищены,
выхолощены,
выблестены до звона, —
а тех,
которых карают и бьют
всесою тяжестью
абсурдно сделанного закона!
Тех, которых и людьми-то
язык не поворачивается назвать —
язык, чей лоб
венчает корона;
тех, которых сотня, а то и две
приходится на одну кровать,
и — полбуквы —
на тысячу душ от закона;
тех, на которых правители ставят,
как на ломовых лошадей,
с которых налоги сдирают
вместе с клоками волос и кусками кожи,
которых
танками
сгребают с окровавленных площадей,
которых свозят в утробы ям.
даже лиц не прикрыв рогожей.
Тех, которые водятся, возятся,
иногда — жуют,
которые — двуноги,
тем и отличны от скотства,
которые как попало родились,
так и живут —
российские бомжи советского производства!
Подвальные обитатели,
засвегдали свалок,
хозяева теплотрасс и канализационных колодцев,
соседи крыс, клопов, тараканов, пиявок,
бездомных собак и списанных иноходцев...
К вам,
отверженная многими,

в конце века спустилась я;
в ваши подвалы,
кабельные коридоры,
колодцы —
не изобличать,
не учить, —
жить, как живет семья:
голодать,
напиваться,
накуриваться,
колоться —
все испытать,
что ниже первого этажа;
превратиться в сожительницу,
в бездомницу,
в шлюху,
но чтоб дальше от этих пьющих,
жрущих,
жирующих,
знающих — брать и стяжать,
кто не дает видеть оку
и слышать — уху.
Ведь вашу грязь,
вашу коросту можно снять,
отскоблить,
если хотя бы на первый этаж подняться;
а тех, кто выше, —
их не прошибить,
к ним — не докричаться!
С вами останусь я —
вечно наше родство;
здесь — не там —
душ и мира спасение;
с вами я
буду ждать Рождество
Христово
И Святое Его
Воскресение.

1974, март 1994

Оглавление

I. Оглянись, Россия

Голос	6
Сомнение	6
Сострадание	7
Желание	8
Наивность	9
Драма	9
Отчуждение	10
Беда	11
Бесчувствие	12
Завещание	12
Что дальше?	13
Аксиома	14
Не хочу	14
Действительность	15
Хозяин	16
Призвание	16
Переоценка ценностей!	16
Беспредел	17
Полынный сок	18
Оглянись, Россия	19
Демократия	20
Выручка	20
Укор	21
Прощение	22
Результат	23
Участь	23
Финал	24
Падение	24
Из истории	25
Русские	26
Вина	26
Провинциальные поэты	28

Выбор	29
Его именем	30
Памяти А. Тарковского	30
Зона затопления	31
Памяти Владимира Высоцкого	32
Не приемлю!	34
Откуп	35
Надежда	36
29 мая 1990 года	36
Суeta	37
Обидно	38
Урок	38
Саша Черный	40
К поэтам!	41
Художник	42
Россия социалистическая	43
Страна предвыборная	46
Суд	48
В конце века	48
Зима	49
Запустенье	50
По-прежнему	51
Ленину	51
Аплодисменты XXVIII съезда КПСС	52
Проездом	53
Соловки	56
Оскудение	58
Утраты	58
Упущение	59
Разобщение	60
Растерянность	61
Гроза	62
Стена	63
Слепость	63
Кровное	65
Разгон	67
1 октября 1988 года	68
Удивление	69

Афганцы	69
Азарт	70
Глухо	71
Внуку	72
Памяти А.Д. Сахарова	73

II. Предчувствие

Путь	76
Домовой	76
Действительность	78
В июле	79
Времена	80
В разрезе	81
Крысы	82
Командировка	83
Мысли о гласности	84
У подъезда Политехнического	86
Осенний лес	87
Об орехе	89
Звенья цепи	90
Синица	91
Ночная птица	92
Белая сова	93
Расслабленность	94
О соколе	95
О поцелухах	96
Северные аэропорты	97
Возмущение	98
У подножья Машкука	99
Созерцание	100
Слабость	101
Баллада о рынках	102
Сады	105
Сами	106
Женщине	107
Бездна	108
Ночью	110
Другу	111

Кайсыну Кулиеву	112
Дома	113
Колодец	114
Эхо выстрела с Черной речки	115
Журавль	117
В цепях	118
Незамутненность	119
Влюбленность	119
Вспомните	120
Карьер	120
Спираль	122
Бульвар молодежи в новосибирском	
Академгородке	123
К океану	124
Потери	125
Одиночество	126
Бахчи	127
Лирика	128
Неизменность	129
К паровозам	130
Обелиски	131
Ледоход	131
Ночью	133
Девочка на шаре	134
У печи	135
Знакомство	136
Апрель	138
Чинара	139
Перед цветением	141
Невозможность	142
В ночном	142
Леса	143
Горечь	144
В селе	145
Велосипедисты	146
Не узнал	147
Чей голос?	148
Оружие	149

Пробуждение	150
Ночью	151
К полдню	152
После дождя	153
Убранство	153
О хлебе	154
Сосед	155
Крапива	156
Смирение	156
Марал	157
Лошадь	158
Палач	159
Обычай	160
Норильск	161
В комнате	162
Перед собранием	163
Авария	164
Прораб	165
В обеденный перерыв	166
Каменщик	168
Стихи о почерке	169
Раздумье на эстакаде	170
Зерна	172
Крестьянину	173
Изначальное	175
Зов	176
Полнолуние	177
Вечерний закат	178
Осень	179
К звезде	179
Здесь!	180
Счастье	181
По сердцу	182
Гонка	183
Боль	183
Причастие	184
Вечернее	185

III. Живем — непокоренные славяне!	
Гуси	188
Поход	188
Предтеча	189
Дон	190
Конь Всеволода	191
Меч Всеволода	192
Сеча	192
Плач Ярославны	193
Ольга	195
Степь	195
IV. Очертания души. Поэма	197

Антохин Михаил Кузьмич

Полынный сок
Четвертая книга стихов

Корректор Н. Тиунова

Подписано в печать 20.12.2006 г.
Формат 84x108/32. Гарнитура «Baltica».
Печать офсетная. Бумага офсетная № 1.
Усл.-печ. л. 11,76. Тираж 300. Заказ № 360

ИП Мандрика Юрий Лукич
ОГРН 305720302800142

Адрес для переписки: 625003,
г. Тюмень, ул. Республики, 10 – 2.
Тел. (345-2) 25-12-84.
e-mail: mandrika@tmn.ru

Отпечатано на ОАО ПК «Зауралье»
640227, г. Курган, ул. К. Маркса, 106

